КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1925 г. СЕНТЯБРЬ № 9

ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

№ 9 четвертый год издания 1925

1905 год.

Осужденные Члены Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов по пути в ссылку в Обдорск.

Верхний ряд: (слева на право) 1) Голынский. 2) Хрусталев-Носарь. 3) Зборовский. 4) Киселевич. 5) Вайнштейн. 6) Комар.

Средний ряд: 1) Немцов. 2) Злыднев. 3) жена Авксентьева. 4) жена Зборовского.

Нижний ряд: 1) Сверчков. 2) Троцкий. 3) Симановский. 4) Авксентьев. 5) Фейт. 6) Кнуньянц-Радин. Внизу — двое детей Немцова.

НАД ЯМАМИ

Рассказ

ДАНИЛЫ КРЕПТЮКОВА

Рисунки худ. П. Жилина

I

Завод был кожевенным и принадлежал богатейшему фабриканту Денису Изотову. Изотов начал с того, что выкопал яму, да заквасил в яме пару-другую скотских шкур. Обработал эти шкуры, продал, пятерку нажил. Еще заквасил, в аппетит вошел. А годков через десяток — заквашивались шкуры в ямах у Дениса целыми тысячами. Стали Изотова величать Денисом Ивановичем, и стал Изотов на работу брать рабочих до ста человек. А изотовские ямы стали с тех пор называться заводом.

Держал Изотов людей в черном теле. Поденщину платил — смех один. Однако шли люди, которые дальние, те и спали над ямами, в прокисшем, спертом духу. Мерли люди у Изотова. Не выдерживали каторжной работы по четырнадцати часов в сутки. И оттого, что так мучил людей Денис, был он у всех в большом почете, богател год от году, а сапожный и сбруяной изотовский товар расходился далеко по рынкам, и все хвалили хорошую выделку товара.

Стоял Силантий над ямой — на заводе у Изотова восемнадцать годов. В первый раз стал еще молодым пареньком годках о двадцати. Как раз в тот год это было, когда отец Силантиев, строгий изнуренный мужик, пришел с завода в родную избу, лег посередь избы голым брюхом к полу, скарежился, сморщился, а потом попросил у бабы воды, попил, вытянулся и умер. Похоронил Силантий отца. Повертелся туда, сюда — плохо без молодой работницы в доме. Походил Силантий по деревне, а там взял да и женился. Пожил Силантий с молодой бабой недельку. Пошел на завод к Изотову, поклонился в пояс, стал работы просить. Оглядел его Денис со всех сторон,—парень молодой, широкоплечий, робкий, перечить не станет. От такого работника одна польза. И поставил Изотов Силантия над той самой ямой, над которой стоял отец Силантиев долгие года, которая выела у отца Силантиева все печенки, и все легкие, и всю утробную, мужичью силу. И вот стоял теперь Силантий над этой ямой восемнадцать лет. Широкоплечего, мускулистого, румянощекого парня из'ела яма

за восемнадцать годов. Вытянуло мужика вверх, растянуло за ноги и за голову. Слизало румянцы на щеках. Сплющило грудь. Иссосало жилы; оттого стали они синими и упружистыми, как тонкая веревка.

Но все казалось просто и понятно Силантию. Каждое утро всходило ясное солнышко. Швыряло золотые стрелы в реку, на песчаные обереги, на луга привятские, на дальние суземы. Каждое утро бежал Силантий еще за-темно на завод: зимами порошу снежную топтал крепкими, исхоженными ногами, летами бежал босиком по гулким, звенящим росам, по песчаным оберегам, к реке подбегающим, к темным, бездонным взмылинам реки. Добегал Силантий до завода. Становился у ямы. Руками обхватывал длинную неуклюжую мешалку. Копался в яме... Глотал в легкие протухлый, падалью исходящий дух. Ровно в двенадцать наскоро проглатывал фунта два хлеба. Запивал водой. Замирал на обеденный перерыв тут же у ямы на один час. Остывал завод за это время. Густо дышали в разных цехах изнуренные люди. Только в ямах, там где заквашивались скотские шкуры, шел непрестанный, булькающий, пыхтящий, чавкающий процесс. Это кислоты и щелочи раз'едали жесткую скотскую клетчатку, иссасывали распростертых у ям людей.

II

Мозговая каша у Силантия была туга и неповоротлива. Соображал Силантий медленно и тупо. Мозговиной раскидывал еле-еле. Причина всему этому в том лежала, что не знал Силантий грамоты. Никаких политик Силантий не понимал. Был верен хозяину и был, как собака, предан ему. Рассуждал Силантий просто:

— Ежели б не Денис Иваныч—батюшка, — совсем, то-ись, пропадать нашему брату, малоземельному...

Сбивали с панталыку Силантия при таких его рассуждениях другие, те, что порасторопней были...

— А как думаешь, — отчего ж оно так, что вот взял благодетель, Денис-то твой тебя, да не рядком с собой за стол посадил, а, вишь ты ево, сам-то, вишь, за стол сел, — ест, пьет в свое удовольствие, — а тебя, — хе-хе-хе, на самую удушливую ямину поставил?.. А?.. Не знаешь, отчего оно так вышло?..

Силантий не знал, отчего оно так. Однако мымрил сквозь зубы:

— Так ему, знать, от бога дано... Нам, значит, работать... Ему править нами... Эк, — хватил тожа... зря... За стол с собой... Туды ни посадить...: х-хе-хе-х-хе-хе...

Но такие вопросы вселяли целую бурю разногласий в невдатную Силантиеву голову. После таких вопросов целыми днями стоял Силантий у ямы. Неповоротливой мозговой кашей тынялся туда-сюда, бродил по сторонам, брал примеры из собственной жизни, и подальше— из отцовской.

Ползли ленивые мысли, терзали душу Силантиеву, унаваживали плотно утрамбованную веками рабства почву в душе Силантия... Разрыхляли эту почву, Сеяли первые, робкие зерна невнятного. слепого протеста.

— Как же так оно выходит все неладно?.. От же я, скажем, стою здеся осьмнадцать годов... Работаю, как каторжный... А за все за это время — избы новой сколотить не пришлось... Только еле-еле крышу перестлал... А он, — етот самой, — Денис-то, — экой гладкой... что твой кобелина... Мездрина-то кака на самом-то... В яму бы тя-а, кобеля гладкого... Заворочалси бы, поди...

И дальше ползли мухи. Сверлили голову. Распиливали пополам, на два враждующие стана, цельное, как глыба, мировоззрение Силантиево.

— Или, от, скажем, оттець мой, царство небесное.. Пришел домой, лег брюшиной к земле и помер, сердешной... Не за что было к попу сходить... Без отпеву загребли .. А Денис-то, не бось— он в каких хоромах живет... Смерть, матушка, только на порог к ему, а уж попы во всему городу по всем церквам в колокола загаланят...

И так шло время год за годом, тяжелое, как чугунная гиря... Било Силантия в согбенную над ямой спину,

в из'еденную кислотами легочную ткань, в синие напружившиеся жилы. Давило ноющие на разные лады, выстуженные кости Силантиевы. И может быть, если бы не подошло время к самому краю, так бы все и осталось по прежнему. Так бы и простоял Силантий еще с десяток лет над той же ямой.

А через десяток лет — как и отец его, — пришел бы Силантий с работы домой, также лег бы наскоро в родной избе голой брюшиной к земле, напоследок тоскующим, предсмертным взглядом обвел бы дырявые углы. Водицы у своей старухи попросил бы. Помер бы тихо, безропотно.

А под конец — похоронили бы Силантия без отпеву за деревенскими огородами, потому что ни один поп не пошел бы отпевать Силантия без рубля серебром.

Но повернуло время в другую сторону. Одним днем как-то стоял Силантий над своей ямой. Наводил порядок в темной утробе ямы. А только поднял голову от ямы... Вслушался, насторожился... Услыхал задумчивый, меланхоличный заводской гудок.

До обеда оставалось еще часа полтора и Силантий диву дался, отчего это вдруг в такое неурочное время дали гудок.

Отошел Силантий от ямы. Сквозь слепые, грязные окна долго вглядывался в темные придворки заводского двора. Еще к окнам подбежали от ям люди. Вглядывались, вщуривались, — ничего не видно было: ворочался завод как всегда всеми своими цехами.

Так недоуменно прошло над ямами десяток минут... А потом — шаркнули огромной дверью снаружи. Распахнулась дверь на обе половинки. Заступила всю дверь широкая плечистая человечья туша. Только поверх туши процеживался в верхние закрайки двери млявый сумеречный свет.

Люди от ям глазами зыркнули в сторону туши...

— С-са-ам...

Шорохом еле слышным прошелестело над ямами от человека к человеку. Еще ниже склонились люди над открытыми жадными пастями ям.

Денис короткими, оплывающими ногами переступил порог. В широкую дверь продавил жирное, округлое тело. Зеленоватым глазом сверлил сумеречную тошноту цеха, и людей над ямами, и разбрызганную по цементному полу яловочную сукровицу. Крякнул вольготно. Повел плечами. Смачно сморкнулся в платок. Открыл заросшую красной щетиной большую горластую щель. Зыкнул прямо в цех:

— Здорово, народ!..

Люди от ям выпрямили тела. Головы подворотили к Денису. Шершавыми руками оправляли волосья на головах. Мотали головами в Денисову сторону.

— Желаем здравствовать, батюшка Денис Иванович...

Денис постоял с минуту. Цеховой сумрак проедал глазами. Широким мясистым носом втыкивался в кислотную падаль цеха. Вгрызался в середину ям, в самые днища, в деревянные мешалки, в кадки с кислотами, во все немудрые причиндалы и принадлежности цеха. Потом снова щель открыл. Рявкнул в народ:

— Ну, — бросай рроботу... Во двор выкатывайся .. Говорить с вами со всема надобно..

Люди окаменели от изумления, от испуга, от боязни за кусок хлеба, от жуткого страха за то, что вот теперь неожиданное что-то вырвет из рук вонючие мешалки, а вместе с мешалками и те двугривенные, какие зарабатывали люди у Денисовых ям.

Потом отошли люди. Робко ставили мешалки по углам цеха. К кадкам с кислотами прислоняли. Клали над ямами. А на дворик заводской выходили — ошмаркивали носы, одергивали пояски штанов, слюнями протирали кудлатые лохмы волос на головах. Рыхлые бороденки теребили пальцами.

— Вышли во двор — там сгурьбилось уже до полсотни людей. Потом и остальных выдавил из себя завод.

— Всполз Денис на высокое крыльцо заводской конторы. Из-подо лба острой зеленью швырнул в толпу. Полез в боковой карман светлого чесучевого пиджака. Вынул оттуда лист бумаги. Развернул. К глазам приставил. Облизнулся.

С необычной ласковостью и теплотой промямлил:

— Наррод... Ррробьятта .. Вот видите, — получаете вы все на моем заводе кусок хлеба... И все вы сыты, и кажный из вас знает, что у его есть надежный кусок хлеба... А вот есть же такая страна — Германия... И германский царь — неверный, нехрист, а так вроде...

— А ты все думашь и думашь?.. Мотри с ума сойдешь...

вроде... т-турка... Вот етот царь идет на нас войною... Хочет нашу веру уничтожить... Нашего царя-батюшку опозорить... Наше дорогое неоценимое отечество, матушку Рассею, родину нашу, — завоевать...

Шевельнулась толпа. Колыхнулись лохматые головы. Шопот прошел по толпе. Лаптями и кожанцами топтала толпа землю, устланную мелким булыжником.

Денис чесал свое: ругал на все лады и германского царя, и всю страну немецкую, и германский народ. А своих всех — царей, генералов, офицеров, восхвалял и превозносил.

Так длилось около получаса. Потели и кисли в своем поту люди на заводском дворике. Жгло людей июльское знойное солнышко. Прожигало головы насквозь, и усталые тела, и запавшие внутрь груди.

А кончил Денис — конторскую дверь с середины старательно развели. А в двери — поп в облачении и с крестом.

Невысокий столик тут же поставили на конторском крылечке. Долго мурожили толпу на пристальном июльском солнцеприпеке.

Часа полтора лениво гнусавили поп, дьякон и дьячок. Кропили толпу водой. Вычитывали из толстой книги, в побрякушки окованной, непонятные слова.

А потом погнали толпу в город версты за полторы. До самого вечера бегала толпа с царскими портретами по пыльным улицам города. Ревели тупым ревом большие горластые колокола. Подзвякивали тонкими, щенячьими подголосками мелкие колокольца.

Глотали люди едкую пыль городских базаров. Бежали уличные мальчишки за толпой. Крестились мужики и бабы. Была в тот день такая суета, какой не знал город над рекой.

III

На другой день после суеты такой. все так же стоял Силантий над ямами на заводе.

И в цехе также все попрежнему оставалось. Только больше начал налегать Денис на рабочих, по десять, по пятнадцать минут натягивал перед обедом и с обеда.

Молчали изнуренные над ямами люди. Молчали кочегары у топок. Молчали и в тех цехах, где на болванках деревянных большими широкими ножами скребли люди размоченную в ямах, кислотами из'еденную жесткую яловочную мездру.

Все пуще пригнетала людей к земле забота о двугривенных, потому что с того самого дня. когда слепой толпой бегали люди по затхлым улицам города с портретом царя, — стал дорожать хлеб, стали дорожать все товары, стал дорожать обувной и сбруяной товар на заводе у Изотова.

На спасение отечества «от врага внешнего», — как поп тогда с Денисом с конторского крылечка рычал,—накинул Денис сначала пятак на юфть, а потом и гривенник, а там и двугривенный. Еще и полгода не прошло с об'явления войны, а Денис на все товары по полтине накинул.

Любил Денис свое отечество, а пуще всего любил деньгу. Обстоятельный и крепкий человек был.

Через одну неделю после об'явления войны, после молебнов, после хмельных, плаксивых мобилизаций, набрал Денис казенных подрядов, — обувных, сбруяных и на приклад. Перевел завод на такую выработку, чтобы ни одна минута у людей зря не пропадала. Набрал авансов сотни тысяч. Приказчиков разогнал за сырьем. Шныряли изотовские молодцы повсюду. За бесценок скупали сырье для военных заказов. И повсюду, куда бы ни явились молодцы, была им честь, первое место и самые большие льготы, потому что снабдил Денис своих молодцов такими бумагами, в которых было описано о том, что «кожевенный завод Дениса Ивановича Изотова работает специально на оборону».

Еще больше оматерел Денис, рысаков породистых завел, у самого губернатора чаи распивал. А в церкви отвели Денису почетное место и огородили это место толстым, затканным зеленой парчей, шнуром с тиснеными золотом пышными кистями.

Пожертвовал Денис «на благолепие храма» пять тысяч... Так было написано в бумаге, которую при деньгах вручил Денис попу, и так же в одно из воскресений об'явил поп народу. И народ восхвалял Дениса, и все считали Дениса благодетелем, и был Денис первым человеком в городе.

А у Силантия над ямами, над кислотами, над вонючей яловой мездрой тощая брюшина еще больше внутрь запала, к самой пояснице, к костистым иссохшим позвонкам. Пуповину у Силантия затянуло в середку, а там где самая завязь на пуповине заросла в неуклюжий, сморщенный комок — выдуло пуповину на верх на целый палец.

Острокостая грудь еще больше сплющилась, и часто над ямами хватался Силантий длинными цепкими пальцами за те места на грудной клетке, где смолоду толстыми упрямыми пластами лежали комья упористых, деревенских мышц.

Теперь мышц не было: иссушило их заботой, выело цеховым смрадом, слизало, как языком, двадцатилетней замурзанной мешалкой. Только кашель надрывный часто клокотал в высохшей груди, бился в стены цеха, в цеховом смраду вис, расточал заразу.

Все отдал Денису Изотову мужик из деревни Дымова за пять верст от города. И звали мужика — Силантий, по отечеству — Антипов, а по фамилии — Долгоперов.

Все отдал Изотову, только болезнь свою себе оставил, да детишек полдесяток на печи. А в детишках — ту самую кровь, какую вложил в них при самом зародыше, ту самую нужду, в какой сам вырос, и жил, и прожил почти всю жизнь над изотовскими ямами.

Только в детишках и радости было. Только одними детишками и жил Силантий. Старшему вот уже пошел девятнадцатый. Полный мужик стал. Такой же румяный и жесткий, каким и Силантий когда-то был. Пора бы женить парня, и избу подновить, и лошаденку, хоть самую худящую, завести. Пристроить бы парня: и баловства меньше, и отцу на старость помощь.

Но не так судилось, как думалось да рядилось: еще и года не прошло с тех пор, как насылал Денис с конторского крылечка на заводе все напасти немцам, а вот уже в четвертый раз в городе над рекой приступили к очередной мобилизации. На этот раз не сверху брали, не за стариков хватались, а снизу — за молодых. Две недели длилась мобилизация, а под конец, одним теплым летним вечером, когда пришел Силантий с завода в деревеньку Дымово и переступил порог своей избы, — увидел он свою бабу заплаканную, пришибленную, с вылезшими из под платка седыми космами. Обвел Силантий глазами привычную прель избы. На божнице по мужичьи задержался. Ниже спустился глазом серым. Дошел до широких полатей, устланных рваным барахольцем. Вставился в старшего сына Васюху. Оглядел внимательно. Насквозь всего глазом просверлил... Все понял. И сразу обмяк, охляб, осел на осиновую лавку.

И ничего не было: ни мыслей, ни жалоб. Только тупая и рыхлая, как хлебный мякиш, сытная и щедрая мужичья покорность.

И так молчал Силантий и никому ничего не говорил, не жаловался, не стонал... И когда Васюху сажали в поезд. И когда гарью и мазутом плеснуло Силантию в лицо. И когда шел Силантий домой в Дымово... Никто не слыхал от него ни одной жалобы, никто не видал ни одной слезины. Только если бы поглубже вглядеться под длинные веки в самую яму глаз Силантиевых — можно было бы разглядеть там невыносимую тупую боль. И можно было бы еще разглядеть что-то новое, большое, охлестнувшее мозги, запавшее в самую бездну глаз Силантиевых.

Но никто не видел этого, и оттого считали все Силантия каким-то каменным и бессердечным. Так думала и старуха Силантиева, и соседи, и все Дымово.

IV

А Денисового, пухлотелого, расплывшегося, как перестоявшая квашня, сынка тоже пригласили под станок.

Запрег Денис пару караковых. Сынка посадил в обитое штофом дорогим сиденье экипажа. Чмыхнул, — только пыль пошла, — к тем самым докторам, которые рекрутчину проводили, больных от здоровых отделяли.

Сунул Денис одному, сунул другому, третьему сунул... А под конец так вышло, что оказался сынок Денисов не годен к строевой службе. Можно было и совсем высвободить сынка Денисового, — разве сотню-другую прибавить докторам пришлось бы — да был хитер Денис, — о-ох как хитер: не хотел лишнего разговора промеж народа пускать. Оттого так в самый раз и вышло:

«Не годен к несению строевой службы, вследствие расширения сердечных сосудов и усиленной деятельности сердца».

Но этого было мало Денису Изотову. Денежки то он докторам отдал, а не таков был человек Денис, чтобы зря копейку бросать. Пошел дальше Денис и вышло так, что принять-то сынка в солдаты приняли, да только никуда-то он от Дениса не поехал: был прикомандирован к губернскому приемщику-интенданту принимать те самые сапоги и ту самую сбрую, которые выжимал отец из рабочих на своем заводе.

Так-то дела повернулись у Дениса. И в первой же сдаче сынку очередной партии военного заказа Денис вернул вдесятеро те две-три тысячи, которые докторам выложил.

Так и шло время: одно кончалось, другое начиналось. Тепло и сытно жилось Денису Изотову за пазухой у «дорогого отечества». Как клоп всосался он в рыхлое тело отечества.

За год казенных поставок пристроил Денис еще один навес к заводу, пару удушливых ям прибавил, а в том цехе, где потные люди выскребывали выквасившиеся шкуры, добавил Денис еще десяток деревянных болванок, десяток широких размашистых ножевищ прикупил. Стоила вся эта музыка Денису — гроши, а вырабатывать стал завод Денисов после этого больше чем прежде — на тысячи.

Крепкий и обстоятельный человек был Денис Иванович Изотов.

— А Силантиев Васюха как уехал в ту пору, когда всей деревней шестерых рекрутов провожали из Дымова, так и не было от него ни слуху, ни духу.

— Часто-часто утрами зоряными и вечерами темными, и слепыми долгими деревенскими ночами простаивала старуха Силантиева на коленях перед божницей. Щедрые слезы лила в углу перед богами о своем сыне, о кормильце, о Васюхе. Исходила в тоске материнской. Билась о землю головой. Трепетала всем вытруженным нутром. Немудрые бабьи жалобы к богам несла.

Подмечал Силантий это. Видел, как изнывает его старуха. Горечь и жалость в такие минуты обступали сердце. Кряхтел на полатях. Сворачивал цигарку из крепких корешков. Задыхался от удушливого дыма. Кашлял надрывно, словно куски застрявших легких старался выкашлянуть из себя. Ночную тишину будил в спящей, остывающей избе.

А один раз как-то долго вслушивался в страстный шопот старухи. С полатей сполз. Костистыми ногами вступил в обрезки стоптанных катанцев. Тонкими, как циркуля, ногами мрачно и таинственно ступал в ту сторону, где изнывала в бесплодных мольбах старуха. К жене подошел. Руками нащупал простоволосую голову той. Нагнулся. Губами прильнул к лопатому уху. Строго, упористо шептал:

— Чо-о тоскуешь, старуха?.. Чо-о цельными ноченьками бьешься тут-то?.. Здря... Говорю тебе — здря... Кому молишься — а?.. Перед кем головой старой бьешься?.. Здря... Здря... Этта... Этта не наш этта — бог... Этта. Денисов бог-от... Такой, который бедных не любит... Тех любит он, кто ему деньгу сыпет... От оно как... Брось, старая, тосковать... Говорю тебе — здря... здря... здря...

Шопотом таким убедительным, пронзающим мозги старушечьи, бросал Силантий воспаленными губами в ухо старухе страшные, горячие слова.

Старуха смолкла. Слезы высохли на глазах от ужаса, опеленавшего сердце. С диким воем, простоволосая, ошарканная и страшная, она упала головой на грудь Силантию. Руки, тощи как оглобли, закинула на плечи Силантию. Потом смолкла. И долго так стояли эти двое людей в остывающей предутренней избяной мгле перед божницей. И долго один из них беззвучно смеялся горьким отчаянным смехом и швырял этот смех в деревянные лица богов в затканных паутиной углах.

А когда утро прободало заиндивевшие холодной кожурой плаксивые окна, встал Силантий с полу. Полуомертвевшую старуху поднял. Перенес на полати. Бережно уложил, укутал. Перьяную, слипшуюся подушку взбил, поддернул той под седые космы. Посидел около той. Потом свернул цигарку. Бросал сырым, упрямым кашлем в наползавшее в окна утро. В катанцы ногами всту-

пил. Накинул на плечи облезлый полушубок. Взглянул на старуху в последний раз. Взял с гвоздочка кожаную сумку с хлебом. К двери беззвучно просунулся. В сени переступил. Тихо дверь за собой прикрыл. Вышел во двор, потом на улицу. Исчез в утренней морозной сизоватой истоме в ту сторону, где вдали за рекой трепыхался и стонал завод.

V

С этой ночи в Силантие произошел такой надлом, словно какая-то веточка обломилась в душе. И посыпалось с этой веточки все то, что накапливалось в Силантие всю жизнь, с чем родился Силантий, с чем ему пришлось бы умирать, не будь войны, оторвавшей старшего в семье кормильца Васюху от родного дома.

Еще раньше, с того самого дня, когда возвращался Силантий с вокзала, наметилась какая-то трещина. Как земля лопается от большого мороза, так лопнуло тогда на вокзале что-то веками спластовавшееся в сильной, доморощенной душе Силантиевой. И теперь там все исковеркалось, перекарежилось, и живого места не оставалось: была одна острая, жгучая боль, словно к печонкам Силантиевым подвязали непомерно большую тяжесть. И оттого, что эта тягучая мука была невыносима для Силантия, — зародился в нем поверх муки и поверх боли тяжкий, мучительный протест.

Теперь по целым дням стоял Силантий над ямами. Мешалкой ковырял в ямах. Багром, с обтупленным носом, выдергивал мездристые, выквашенные шкуры из ям. Скупо думал:

— И есть же, вот, люди вроде Дениса: живут, как хотят, пьют, едят, на караковых рысаках ездят, а работы от них — никакой... И пользы от них — тоже никакой... Все равно как от вши, или от моли, или, там, от другого гнуса какого... У него, у Дениса-то, всего тебе вволю... И без того — экой радости сколько... А вот, — на, — возьми еще... ему и сына оставили... А у меня: думал, кормилец будет на старость — забрали... К полгоду дело-то подходит, а от его ни слуху ни духу... Может, давно одни косточки остались, да и тех схоронить некому... Где же правда?... Где она?... Кто скажет?... Кто покажет?...

Так тощими зимними деньками, когда серый свет в замурованные окна скупо тек в цех жидковатой белесой массой, вставали назревшие горькие вопросы. Не находил ответа на них Силантий, и оттого еще больше и еще мрачней болела душа и вызревал нарастающий протест.

Помог довершиться этому процессу сосед Силантиев по ямам.

Как-то перед обедом, когда гудка ждали с минуты на минуту, и мастер цеха вышел наружу, на Силантия особенно упорно наступила непроходимая тоска. Он стоял над ямой. Косматой бороденкой уперся в верхний край мешалки. Глазами вставился в грязную покрышку ямы. Застыл так. В это самое время сосед Силантиев подошел тихо сзади. Вгляделся в Силантиеву спину, в затылок. Опростал правую руку от мешалки. Ударил Силантия по костистому плечу. Тихо пробубнил:

— А ты все думаешь и думаешь?.. Мотри, — с ума сойдешь... ежели есть с чего сходить... Ум, говорю, ежели есть... хе-хе-хе...

Он загадочно захехекал и стих.

Силантий вздрогнул от удара. Переступил с ноги на ногу. Мешалку из-под бороды переставил. Повернул к тому голову. Косо взглянул на того. Промымрил:

— А т-ты-ы — какой-такой советчик?... А...?... За собой смотри... да-да-а...

Сказал. Гмыкнул. Высморкал нос. Уставился глазами в одну точку.

А сосед повертелся. Плечами подергал в стороны. Затылок почесал. К Силантию снова подсунуло его. Поддернул штаны и фартук. Покачал головой.

— Здря, дядя, убиваешься... Думаешь — не вижу?... О-го-го... вижу, паря... Знаю... Сына-то, Васюху, забрали, говоришь?... И про это знаю... Чай вместях с им росли... Да вот, вишь ты, болезной я вышел... Меня не взяли, вишь ты... А ево — тово...

Силантия перекарежило.

— Тово... тово... Чо-о в глаза лезешь здря?... И без тебя тошнехонько... мука тут одна... Ты еще... с-советчик... тож-жа...

В плоскую грудь кулаком себя постукал. В сторону соседа угластой, клочковатой бородой потряс. И снова обмер у ямы.

Соседу стало неловко. Он потоптался на одном месте. Кудреватой головой тряхнул. Плечишками передернул. Огорченно сплюнул на сторону. Рукой махнул. Выгаркнул с болью.

— Э-эх — ма-а... Все рровно, дя-а-дя... Твоего забрали... убьють или перекалечать... А я вот... глянь-кось... сам подохну...

Он натужливо кашлянул из себя, с самой середины. Грязную ладонь приставил к молодому, наивно скроенному рту. Выхаркнул изо рта на ладонь. Зажал в кулак. Шагнул к Силантию. Вытянул руку.

Посмотрел Силантий тому в руку: лежал там осклизлый, черно-красный, спекшийся небольшой комок.

Силантию стало страшно. Он уставился в глаза тому. Тихо из себя высапнул:

— Как же это?... О... о-споди... Как же?...

— А-а... Как же — говоришь?... А так же... Думашь, — ежели верчуся я вот тут, перед вами, дак все это так в нутре у меня справно?... Не-ет, паря... шалишь... А всеж — я не вяну... По-оди, брат... Еще я над йима, над этима баржуями, распатешусь...

Он жестко махнул кулаком, словно расшибить хотел со всего маху большого близко стоящего, кровного врага. К Силантию еще ближе придвинулся. В ухо тому шептал громким, прерывистым, внятным шопотом.

— Глянь-кось, дядя, на энтово самово сынка-то Денисова... Вишь ты — своллота... ссука экая... Тоже в белобилетники попал... А в сушильном-то цеху всех девок, харря, перепакостил... Т-тожжа... хворый... больной... У-ух... давить надда... Понимашь, дядя?... Давить... под ноготь... как блох, или, там, вошву... От как... А ты все думашь, да думашь... Лучше ничего не придумашь...

Он отдышался. Отчаянно махнул рукой. Строго добавил.

— А ты, понимашь, дядя, дело-то?... Помалкивай... А то Девис, ссабака, — узнает — шабаш... со свету сживет... с'ест... Молчи знай... Недолго терпеть-то теперь осталось... Дольше терпели... У-ух—вы-ы... ч-черти-и... аннаффеммы...

В последний раз глянул зорко в глаза Силантию. Корявую руку протянул. Силантий медленно перебросил мешалку в левую. Вложил свою правую в руку соседа... И так на секунду они замерли оба в сладком и горестном удовлетворении.

VI

Повеяло зимой в этот год ранней. Облизало хлюпкую грязь со шкуры земной. Сковало лютыми морозами. Белыми, пышными, ласковыми одеялами укутало старую. Там, где воды несла река широкополая веснами, где ковдобились ребятишки по речным рытвинам знойными летами, — залегла теперь ровная, как нитка вытянувшаяся, белая степь.

Ранними сонными утрами, когда в буроватый, плотный ком сгусала темень над землей, прорезал Силантий гулкую волю равнин надречных, выбегал на замороженную реку, катанцами топтал льдистое тело реки. Иглами вонзались холодные ветры в больную грудь Силантия. Душил упрямый нутряной кашель. Раскалывалась голова от натуги. В ногах щемило и отекало тяжелое, что-то охолаживающее старые жилы. К снегам тянуло усталую спину. Так бы и вытянулся вот тут на снегу, на реке, на холодном духу зимнего утра... И обмер бы на веки.

Но из глаз текла у Силантия упрямая жажда жизни. А вдали за рекой мелькали, как светляки, белесые, равнодушные огоньки завода. Напружисто кашлял Силантий в корявые руки. Поднимал глаза в сторону завода. Широким стылым шагом чесал прямо на завод.

Вбегал в цех Силантий. Кожаный фартук схватывал с гвоздя. Обнимал

мешалку руками. Вскрывал яму... И сразу ударяло Силантию в больные легкие застоявшейся за ночь удушливой смесью. И снова разрывало грудь у Силантия глубоким кашлем откуда-то из-под самого живота. Но Силантий раз в раз загребал мешалкой с самого днища ямы комковатую вонючую массу.

В этот день все так же было. Так же бежал Силантий из Дымова на завод, и его изматывало холодом, а больные легкие судорожно разрывало от кашля. На завод прибежал, набросил фартук, открыл яму, — согнуло, скарежило, свернуло всего таким приступом кашля, какого еще никогда и не было. Он выронил мешалку, и она увязла в яме и нелепо торчала наружу замурзанным, грязным рылом. А Силантий руками ухватился за нижнюю часть груди, упал на щуплые коленки, к грязному полу цеха головой кудлатой припадал... И все кашлял, кашлял, словно хотел выкашлянуть из себя ненужное, надоевшее нутро.

В это самое время взвизгнула дверь. Комок дневного света прорвался в сумеречный цех. В дверях стоял Денис. Всю щель дверную закрыл мясистой тушей, словно вдавили его со всего маху в дверь. Постоял минуту. Облизал цех зеленоватым, щуплым глазом. В каждую щель вползал, застаивался там, изучал, облюбовывал что к чему... Перекинул глаз на пол, на ямы, на ползающего, скареженного Силантия. Остановил глаз. Всосался в мужика. С минуту молчал. Потом, — словно подбросило его, — хватил через порог. К Силантию подкатился. Толкнул того в плечо. Зычно выкрикнул.

— Эко, господи прости, барахло старое... Не на заводе тебе работать, а телят пасти... А то с самого содрать шкуру, да в яму... Да и туда, пожалуй, твоя шкура не годна... Тонка мездра... Покарежена... Небось — свищовата... чахоточна... хо-хо-хо...

От толчка ли Денисова, оттого ли, что прокашлялся Силантий, но кашель унялся. Силантий встал на ноги. Они у него дрожали, и грудь вихляло из стороны в сторону. Он вытер нос, услыхал Денисовы речи и застыл.

А Денис резал свое:

— Не роботник ты ноне... Какой-такой из тебя роботник?.. А?.. Сам видишь... Вишь ты, — гляньков на себя... Не-ет... Таки роботники больно накладно... Сам с такими роботниками с сумой просить пойдешь под окна... Так-то. Приходи-ко завтра в контору за рощотом. Так-то оно лучше...

У Силантия сдавило серце. Глотку перехватило железной хваткой. Вся скудная старая кровушка поднялась к голове, залила голову. Словно каменьев мешок взвалили на худые плечи, так тяжелы ноги стали. Поднял голову от ямы к Денису. Руки сложил. Родное Дымово в глазах мелькнуло, и детишки, и избенка, и молодая, прежняя баба, и тот первый день, когда он, Силантий, пришел на завод к Денису просить работы.

— Двадцать два года...

И вот теперь стоит над ним Денис, и никакой перемены в нем: такое же плечистое туловище, такой же тупой заросший подбородок, только брюшина стала больше, да рожа расползлась и легла щеками на плечи.

Развел руки Силантий. Себя оглянул. Весь цех старыми глазами пробороздил. В одну короткую минуту каждую щель вспомнил. И та же мысль бороздила мозги.

— Двадцать два года...

Снова на Дениса глаза перевел. Снова руки поднял, как к божнице в прежние годы, когда жарко изнывал перед божницей в нелепой мужичьей молитве Натужливым шопотком выкрикнул...

— Ба-атюшко... Денис Иваныч... кормилеццц... Куды ж... куды я пойду?.. Старуха... болезна-а... детишки... Сына, Васюху, кормильца... забрали... Куды пойду-у...

Денис проколол его глазами. Злобно выкрикнул.

— Каки-таки дела мои до энтого самого?.. Ты теперь не роботник... Кака с тебя робота?.. Кака с тебя польза?.. Одно слово — т-тля... Не нужон ты... От тебе и весь сказ тут...

Просычал. Еще больше к яме пододвинулся. Спиной к Силантию сбернулся.

Из последних остатков сил ахнулся прямо в спину Дениса.

Силантий замер. Сдавило сердце в кулак. Мозг пронизало длинной игластой занозой. Оглянулся — никого в цехе: слишком рано пришел в этот день Силантий... Раньше всех. Вставил глаза в широкую спину Дениса. Потом в черную пасть ямы перевел. И так же, как минутой раньше, мелькнули в глазах Дымово, больная жена и детишки, и Васюха. Стыло разинул рот... Только одну секунду медлил. Вперед наддался. Из последних остатков сил — руками, плечевыми костями, тощей грудью ахнулся прямо в спину Дениса... Под овислый зад поддал коленками ног.

Жмякнуло в яме. Хлюпнуло. Пронзающий, тонкий, заячий крик толкнулся в стенки ямы. В потолок цеха ударился. Влип в задернутую Силантием покрышку ямы. Только под покрышкой клокотало что-то, хрипело, чмокало, чавкало, в судорогах о стенки ямы билось. И так — две - три минуты. Потом смолкло. Дремал цех утренней подслеповатой дремой. Скупо тек в грязные окна цеха неуклюжий чахлый свет

VII.

Первым зашел Силантиев сосед по ямам. Открыл дверь. Порог переступил. Протирал пальцами заиндивевшие глаза. Вглядывался в стены цеха. Силантия увидел. Подошел к тому. А тот стоял неподвижно на одном месте, словно лаптями кто пригвоздил его к полу цеха. Большие, выпуклые, как орехи, глаза вставил в одну точку. Все туловище Силантиево стянулось, скомковалось, скипелось в один вопрошающий, крутой ком. И был этот ком так неподвижен, что сосед Силантиев с минуту стоял не шевелясь, вглядываясь, определяя — живой ли человек стоит перед ним, Силантий ли старый или ему только так померещилось.

Он переступил с ноги на ногу. Шаркнул ногами по цементу пола. Кашлянул в кулак, и кашель глухим, от стен отскакивающим, гулом толкнулся в углы, в потолок, в замызганные стены цеха. В тенетах паутины в потолке повис ослабевший и невидимый.

А Силантий все так же был глух и нем, только в глазных орехах, да в углах жидкобородого, горестно скроенного рта билась упрямая жила жизни.

Сосед заметил эту жилу, и ему стало легче. Он подошел к Силантию сбоку. Тихонько рукой провел по рваному локтю Силантия. Хрипловатым, приглушенным голосом выронил:

— Что это ты, дядя Силантий, уставился так?.. Со стороны похоже, будто увидел на стене свою родню каку... хо-хо-хо...

Сосед хохокнул, у него отлегло от души. Живая веселая беспечность охлестнула всего. Он легонько толкнул Силантия под зад коленом. Отступил на шаг от того. Силантий не сдвинулся с места. Только голову повернул к соседу. Ткнулся тому в глаза такими же выпуклыми страшными и ясными глазами.

Соседу стало не по себе от подвернувшей досады; он укоризненно покачал головой.

— Экой ты, старый леший... Стоит, молчит, а глядит... Родимец тебя, что ль, хватил, али с переполоху с какого?.. Да говори же...

Он отвернулся от Силантия. Отодвинулся от того на три шага. Поскребся в затылке. Вставил руки в бока. Хотел бросить Силантию еще пару - другую добродушных, насмешливых словец. Пробежал глазами весь цех. За ямы стрельнул. Медленно обвел глазами Силантьеву яму... Замер на одном месте. Побледнел. Стиснул зубы... И глаза стали выпуклыми, как у Силантия. И губы стали бескровными, белыми. Упали глаза на блестящий, с глянцем, с подкладкой красной, черный предмет, лежавший на полу у самой боковины ямы, выдвинутой поверх цементного пола, верха на два.

— Г-гол-лоша...

Странным шопотом сквозь стиснутые зубы прошипел это слово сосед. Кровь ударила ему в лицо, в голову, в глаза. Он все понял. Одним прыжком, как зверь, бросился к Силантию. Плечом поддал того в грудь. Сшиб с места. На сажень от ямы отодвинул.

— Эк - ко... аннаффема старая... Придут, увидють... шабаш... Пропадешь не за грош... Галошу спрятать хоть... чорт старый...

Он прыгнул к галоше. Пальцами вцепился в податливую, мягкую резину. Одним взмахом руки отодвинул покрышку ямы. Сунул в щель галошу. Потом хлопнул рука об руку. Обернулся к Силантию. Подошел к тому вплотную.

— Смотри, дядя... Я все смекаю... Голоша - то — Денисова вижу... Куда девал самого-то?..

Силантий медленно устремил глаза в то место, где огромной покрышкой была покрыта первая яма.

— Говоришь — в яме?..

Сосед ковырнул в носу пальцем. Поднял голову к Силантию. Тряхнул головой.

— Э-эх... старик... Пропадать, так пропадать вместе... Молодчага... Герой ты у меня... Так ему, ссабаке, и нада...

Потом насторожился и добавил.

— Только смотри... Возьми себя, как на аркан, значит... Полно вот так-то, словно мертвец, бельма пучить... Брось... Туда сабаке и дорога... А то, дядя, зарежешься враз...

Он повернулся к яме. Сплюнул на покрышку. Ногами о пол шаркнул. Ухмыльнулся.

— Нукось, — пускай выкиснет... сволота экая... чорт... эксплоататель...

Шаркнул ногами к Силантию. Толкнул того в зад коленком ко второй яме. В ухо на ходу шопотком бросил.

— А ты смотри, — яму-ту эту не открывай сегодня... Да брось, дядя, робеть... Так их и нада... ддавить... ссабак...

Быстрым шагом он перебежал к третьей от краю Силантиевой яме. Отбросил покрышку. Сунул Силантию мешалку в руки. Толкнул к яме старика. Передернул плечишками. Пальцем ткнул в яму. Придушенно, сторожке мыркнул:

— Нуко-сь... В этой сеодни поройся, дядя... Со мной-то рядом... Да помни, — дурака ежели на случай валять начнешь — мешалкой по башке огребу как есть... Так и знай...

Он перешел к своим ямам. Отодвинул у первой рядом с Силантием покрышку. Взял тупой багор в руки. Размахнулся. Изо всего маху ткнул острием багра в яловые, размокающие шкуры, словно ударял ненавистного кого то.

— Э-эх... ссаббакки-и...

Под багром хлюпнуло, чвакнуло и успокоилось. Но в цех входили люди.

VIII

Взяли Силантия на пятый день, когда всю полицию поставили на ноги.

Денисов румяномордый сынаша об'явил в местной газетке о крупной награде тому, кто обнаружит исчезнувшего отца. Рыла полиция снег вокруг завода. Доскребалась до матерущих льдов, ковавших реку. Искала скрытые проруби, в которые, по ее расчетам, мог быть брошен Денис. Но нигде ничего не находилось. Тогда начали доискиваться на самом заводе: когда ушел из дому в тот день Денис, куда собирался итти; кто видел Дениса в это утро... Всякими такими расспросами дошли ищейки до того самого цеха, в котором в вонючих ямах выкисала яловка.

В ямах рылись с этого конца. Баграми подворачивали яловку. В мездристую, перекващенную массу тыкались анщпугами, мешалками, жердянником. И сразу, как только сняли покрышку с первой Силантьевой ямы, ударило в широкие носы полицейским странным сладковатым духом. Словно пучок дикого лесного чеснока растерли под носами у полицейских. Ткнулись еще баграми в яму. Зацепил один резиновую, посеревшую, с ржавым налетом, большую калошу. Загоготали. Зашептались. Запереглядывались. Стало двое у дверей цеха. Закрыли выход из цеха.

Силантий стоял у ямы безразличный, прямой и серый Куда-то в неопределенную даль глядели глаза. Во всей фигуре мужика была бесконечная, вековая тоска. И когда вытянули калошу из ямы — не изменился Силантий. Все также неподвижно стоял над ямой, словно привинчен был ногами к цементу. Только в самом днище глубокой души Силантиевой билась крепкая сочная мысль. И была эта мысль — не своя: от соседа по ямам пришла она к Силантию, из чахоточной груди соседа, вместе с растертым на грязной ладони комом спекшейся крови. И теперь глядел Силантий в неопределенную точку, затерявшуюся где-то в пространстве цеха между ямами и потолком. И росла эта точка. И в точке вырисовывался тощий облик соседа, и костистая грудь. Приглушенным шопотом, гневом, мятежом и болью неслись слова соседа:

— Д-давить их нада... ссволлочей... Как тля они... или вот, скажем, как ржа... Ржа ест железо... Вот так и они нас едят...

А рядом с тощим, пухом заросшим, лицом соседа, в той же огромной расползшейся точке, стоял широкоплечий, краснощекий Васюха. И чем больше вглядывался в него Силантий, тем все больше тощал Васюха, тускнели красные щеки, углами острыми выпячивались плечи, западала куда-то далеко внутрь широкая грудь... И уже через минуту не мог разглядеть Силантий, который из этих двух его кормилец Васюха, так они были похожи друг на друга.

Тогда еще внимательней и пристальней вгляделся Силантий в эту расплывшуюся, пол цеха охватившую точку, и ему, старому, невдатному Силантию из Дымова, стало ясно и понятно, кому грозят эти двое — молодые, жесткие, строгие и непрощающие. И почудилось ему, что за этими двумя стоят миллионы таких же и десятки миллионов скрюченных рук тянут к чему-то прекрасному, но еще невидимому.

Когда увидел Силантий и этих — он тряхнул кудлатой седеющей головой. Перевел на полицейских ясный взор. Высоко поднял голову. Правую ногу выставил.

Старые, вытруженные руки сложил на впалой груди.

Таким его и взяли.

IX

На закрайках города, там, где старинное кладбище вросло в землю, за кирпичной, двухсаженной стеной многие годы стоял большой дом. Все окна дома были заплетены железными прутьями и выходили в маленькие дворики, заросшие бурьяном, полынью, жгучей крапивой. Десятка два окон выходили и на улицу, туда, где в базарные дни, на круглой, как блин, площади, продавали мужики дрова и сено, и немудрую деревенскую снедь.

Силантий сидел в одиночке; оттого он и не видел людей за эти три года. Длинными днями, когда гулы города слабыми шорохами доносились за решотку, схватывала Силантия за душу тоска. Швырял тогда из подгнивших надорванных легких в сырой цемент стен глухим нутряным кашлем. Карежило Силантия, в дугу сгибало, седой головой ударяло о цемент.

Как большого, важного преступника держали Силантия все эти три года в одиночной тюрьме. За три года стал Силантий бел, как молоко, оплешивел, скарежилась кожа на худеньком, скуластом личике, завалились глаза. Только в них горел огонь неугасаемый, поддерживаемый тем, что в костистой груди Силантиевой билось изнутри в оттопыренные ребра, колошматило старую, застаивавшуюся кровь, бросало старика из угла в угол камеры. Взбирался тогда старик на окно. Цепкими, безмясыми пальцами хватался за решотку. Седыми космами приникал к решотке. Глазами вщуривался в дворик, в крапиву, в бурьян.

Осудили Силантия на двадцать лет. Знал он, что и помирать придется в тюрьме и почти примирился с этим. Вот только о детишках тосковала душа, да старуху свою крепко помнил. Видел ее в последний раз на суде: как билась она, к судьям руки протягивала. А потом один из судей махнул рукой и два солдата унесли старуху. С тех пор не видел ее Силантий, а чуяла душа, что уже нет в живых старухи.

Как-то к началу четвертого года глухо билась тюрьма в своих стенах; ломали люди в общих камерах деревянные скамейки и непонятные песни орали дикими голосами, а в самой большой, общей камере на сорок человек, вихлялся под потолком рваный, с неровными краями, кусок красной материи. В общих камерах бунт стоял весь этот день. На ночь замерла тюрьма. А на другой день перекинулось и на одиночки.

Силантий не видел ни красного куска материи, ни песен к нему в одиночку из общей не доносилось. Только слышен был далекий гул, да зима пощелкивала в окна началом северного марта.

Так и прошли эти дни — блеклые, серые, одинаковые. Никакой перемены не принесли они Силантию, ничего не изменилось в камере у Силантия. Только как-то через неделю шаркнула железная дверь, взвизгнула на ржавых петлях. В камеру вошло пятеро незнакомых людей, а спереди надзиратель со связкой ключей. Люди были кормленые, статные, чистые, румянощекие, и на рукавах у людей были красные повязки.

Силантий увидел людей и замер. Как огнем залило старую голову. Вспомнил ямы Денисовы на заводе. И соседа чахоточного вспомнил, — как тогда он бил себя в худую грудь кулаком, как отчетливым, резким шопотом в уши Силантию впиливался.

— У-ухх... давить их надда... Понимаш, дядя?.. Давить... под ноготь...

как блох, или, там, вошву... По-оди малость... Еще над йима, над этима баржуями распотешимся...

Почему-то вот теперь вспомнил это Силантий. И все сказанное тогда соседом над ямами получило огромный, отчетливый смысл.

Силантий задрожал. Левой рукой за сердце схватился, правой—за железную перекладину койки. У него позеленело в глазах. А люди сгрудились все пятеро среди камеры. Один выступил вперед. Вытянул правую руку. Развернул лист белой бумаги. Картавым, барским языком мымрил себе под нос. Силантий только схватил несколько слов.

— Свеггли тигана... Угыбнугась свобода... Взмахнуга кгыльями стгана...

Люди ушли, а Силантий долго еще стоял на одном месте. Потом он звякнул кандалами. Перешел в другой конец камеры. Упал на железный, ржавый стул. Голова скатилась на привинченный к стене, железный, откидной столик. Упали седые космы на плоское железо. Смешались с желтой, облупившейся ржавчиной стола. А грудь забилась, закипела в глухих, старых, как земля, слезах. Так сидел Силантий и плакал. Разрывало грудь старику слезами. Трепетали худые позвонки хребта. Ходуном ходили узкие, остроскулые, как циркуля, плечи.

X

Осенью двадцать четвертого года я ехал в Москву. В вагоне было просторно и уютно. Сытый парок колечками взвинчивался к потолку вагона. Мелкими, жемчужными каплями откладывался на сизоватой окраске потолка. В отделении нас было трое: я, расстрига поп в кургузой тройке, и третьим был старый, изможденный человек лет за пятьдесят. Я читал какую-то глупую книгу и взглядывался в окно. Расстрига на каждом перегоне пил чай из облупившегося эмалированного чайника. А изможденный старик лежал на нижней лавке против меня, прерывисто дышал, глухим кашлем бился в холодную краску вагона. Ему было не до разговоров. Расстрига поп все время вертелся юлой по вагону, бегал на каждой станции за кипятком, трепал языком заученные революционные фразы и был похож на плохо обученного попугая. Мне он порядком надоел. Моему соседу, видимо, тоже. После одного из особенно удушливых приступов кашля я обратился к старику:

— Выпейте теплого молока... Легче будет...

Тот горящими глазами взглянул на меня. Согласно мотнул головой. Негромко, натужисто выговорил:

— А откуда оно, теплое, в вагоне-то?..

— Найдем...

Я мобилизовал расстригу за кипятком. Извлек из под скамейки купленную в Оричах бутылку молока. А когда расстрига принес кипяток — вставил бутылку в широкое отверстие чайника. Через пять минут молоко было согрето.

Старик порылся у себя в корзине. Достал коробочку с порошками. Протянул мне. Я взял коробочку. Прочел на наклейке.

— Кодеин... 0,5.

Там было еще что-то написано неразборчивой докторской латынью.

Я всыпал порошок в молоко. Размешал. Подал старику. Теплое молоко и лекарство успокоили старика, и он перестал кашлять. Вот в это-то время он и рассказал мне все то, что мною изложено выше. Рассказ был жуткий... Только об одном обстоятельстве умолчал старик. Когда он поотдохнул от рассказа, я навел его мысль на упущенное обстоятельство:

— Ну... вот... так... А когда же вы все-таки из тюрьмы вышли?.. Вы этого не рассказали. Старик помолчал с минуту. Седой головой покачал. Осветлел весь.

— Радость-то какая была. Все заводом пришли... со знаменами... с музыкой... Сначала в страх, это меня, значит, бросило... А потом — увидал своих, заводских, с которыми работал без мала около тридцати годов — сомлел... Как уж там меня унесли из камеры — и не знаю... А пробудился в конторе заводской, на диване на эком мягком лежу... Чую — народ кругом... А в рот мне пихают что-то сладкое такое... видно тож лекарство... Я проглонул. А глаз боюсь

открыть: не сон ли, думаю, это?.. Потому — разные такие сны снились же, однако, в тюрьме... А потом — приоткрыл глаза... Вижу — знамена кругом красные... Свои заводские вокруг меня гурьбой... Вспомнил это я соседа чахоточного над ямами... Как это он, значит, говорил — давить их, говорит, нада... Ну, — от радости, значит, снова меня сморило...

Было тихо в вагоне. Сидел с разинутым ртом расстрига. Грохотали ровные гулы колес под половицами вагона. Я помолчал с минуту и спросил:

— А теперь вы тоже на заводе?

— В завкоме... Членом завкома ребята постановили... Хотели в председатели, да, вишь ты, старой я... болезной... хворой...

— А сосед ваш, тот, над ямами... чахоточный?..

— А-а... тот?.. Куды тебе... Школа у нас такая открылась в городу Робфак зовется... Туды и ушел... Человеком будет...

— А Васюха, сын-то ваш?..

— А Васюха?.. Без правой ноги, сердешной... Одначе он не вянить. Председателем в кооперитиве в нашем... Такой ррастуды ево... в яловку, — прямо не узнаш... И отколь у ево всякое, такое берется?.. Умняга парень...

Утром мы под'езжали к Москве. Поезд ретиво несся по тысяче стрелок. Обгонял утлые, дачные поезда. Оголтело ревел на мелких полустанках.

Когда мы ехали в трамвае на Курский вокзал, где я решил усадить старика в Крымский поезд, — я нагнулся к нему. Спросил в заросшее седой куделью ухо.

— А что сказать твоим, когда приеду в Вятку?.. Скоро ли на завод будешь?

Старик сощурил светлые, голубые глаза. Лукаво ухмыльнулся. Шевельнул левой бровью.

— Вишь ты, — страхкасса на два месяца, значит, послала... Через два месяца как раз угадаю... Вот только хворь эту одолеть бы... Да, небось, одолею... Так я — кре-епкой... матеру-уще-ей...

Через два часа я усадил его в вагон крымского поезда.

XI

На этих днях я как-то вспомнил старика. Вечером часиков в шесть набросил полушубок, сунул папиросы в карман. Прямо к реке сыпнул. А над рекой — по узкой протоптанной тропинке, — за три версты на завод Берегового Района, бывший Дениса Ивановича Изотова. Мигом перемахнул три версты. Вбежал в контору. Спросил, где завком. Прошел в комнату рядом. Протер заиндивевшие глаза. Огляделся... За столом сидело пятеро. Меж этими пятью — мой знакомец. Только не узнать было его: поправился, раздобрел, и старые скулы спрятались-куда то внутрь.

Не успел я порядком вглядеться в старика, как над головами пятерых мелькнуло в воздухе пять серых, шершавых рук. Я вслушался: голосовали за открытие нового детского дома в заводском поселке...

Через полчаса мы сидели в комнатке у старика в общежитии завода. Старик сбегал за чаем в столовую. Принес чай. Разлил в пузатые чашки. Оседлал нос новыми, медными очками. Потом ухмыльнулся. Сощурил левую, косматую седую, бровь. С места сорвался. Полез под койку. Вынул из-под койки полбутылочку дешевенького портвейна. Извлек пробку. Светлыми, голубыми глазами приник к моим глазам. Шевельнул седым, желтоватым усом. Вымымрил.

— В лазарете в нашем заводском выдали... Вишь ты — и написано тута... Силантию Антипову Долгоперову... Должно так?.. А?.. Для апетиту — сказали... Ну, да теперь — здоров я... Для привального мово с Крыму мы ее с тобой и выпьем... хе-хе-хе...

Я просидел у старика весь вечер. Мы с ним чайком с портвейном побаловались. Старик ухмылялся. Светлыми детскими глазами вглядывался в меня. Рассказывал про заводскую жизнь.

А со стены глядел на нас плешивый, большелобый человек. Он внимательно сощурил левый глаз. Лукаво и ласково оглядывал комнатушку. И мне казалось, что он прощает старику Силантию его баловство с портвейном.

И мне тоже прощает.

Повесть

МИХ. КАРПОВА

Рисунки худ. П. Жилина

(Окончание *).

XI. А ЯГОДКИ ПОСПЕВАЮТ

Во флигеле не зажигали огня. В темном кабинете Дина радостно сообщила:

— А ягодки, папа, поспевают!

— Да? Ну и хорошо, милая, хорошо. Скоро они поспеют совершенно, да, совершенно...—«Поправляться начинает»...

— Но, папочка, знаете?.. — И к отцу прильнула.

— Что, детка, что?

— В овраге там... мы видели . страшное... мужики...

— Где, где?

— Там... Я видела...

— Успокойся, Дина, иди, ляг, выспись! Мало ли что делают мужики? Успокойся ..

— Я боюсь, папочка. А... скажите, почему не спокойно так в селе?

— После, Дина, после. Не сейчас. Ляг иди, ну, прошу, Динуся...

И Дина покорялась отцу.

А Евгений Николаевич старчески ходил по кабинету, покуда не стукнули в окно. Вздрогнул и быстро вышел.

— Кто?

— Я это. К батюшке иди. Зовет... собрание.

— Хорошо. Я сейчас...

У о. Сергия, в комнате, окна которой выходили на двор, заседание. Но с самого начала входят двое.

— Сделано!—докладывают.

Гаврило привскочил от сообщения.

— Молодцы, ребята! Чернов с Беловым уж не подгадят... Одним сукиным сыном меньше теперя. А деньги как?— И взглядом приколол их. Глаза в стороны, а все-таки ответили:

— Окромя мешка ничего не было.

— И трубки.

— Н-ну, смотри, робя... не врите! Деньги обчества!

— Ды что, врать будем, что ли? Спрашивает...

— ... я потому и спрашиваю, что посылал за деньгами!

— Вот те хрест, мы...

— Хрест хрестом, а деньги деньгами! А только и Сашке незачем было врать. Он доподлино знает, что казначей с деньгами ушел.

---

* См. «Красный журн.» № 8.

— Да украли мы, что ли? Из-за них такое дело, а...

Открылась дверь, хлопнула и к столу баба —

— Тятенька, Карька увели!..

Гаврило не понял вначале. Видит, перед ним его сноха и только.

— Карька, говорю, в подводу взяли... Ванька Шулдый... Я уж чуть нашла тебя... о, господи...

— Х... х... хто разрешил? Хто?

— Да сам! Что бабы сделают?

— А-ах, канальи, мать их ..

И договорить не успел, как вошел Тулупчинский. Смокли. Выделилась тройка и к столу. Тулупчинский тоже к ним. Остальные в сторону.

Шепталась тройка (комитет это — Гаврило председателем) с Тулупчинским. Гаврила кивал на Чернова с Беловым, что отошли к порогу.

— . . распоряжения! Без моего приказа!—гневно прикрикнул Тулупчинский, вскакивая.

— Д'я, Егень-Колайч, казначея... касссыя у него...

— Деньги волосные, нельзя!

— Что вам деньги дались? Из-за них — всех упустим! Нужна тактика, предлог. Пусть с их стороны вызов... Помните войну четырнадцатого?.. там— предлог... А русско-турецкая кампания. Подготовка нужна. Я, откровенно говоря, был не на плохом счету. Во мне даже его величество признавать соизволил военные таланты. Да-с. Расскажу вам, кстати анекдот... Однажды у государя...

— ...Егень-Колайч! Быть-то как же?— Гаврила перебил. Тулупчинский сначала разошелся, а тут — на мирный тон. Поэтому и остановил его председатель Гаврил.

Передернулся Тулупчинский и седеющий ус закусил. А потом — на стол руку и

— От моего лица завтра же об'явить: совету низложение! Приказ. Сейчас же, сейчас, ночью—гарнизон собрать. Я...

Уж такой вечер: договорить не дают. На улице набат: пожар, видно. Прибежал тут один и на всю комнату —

— Дырдылевский конец горит!

Ну, Дырдылевский — далеко, и живет там — голь одна.

Сашка шел по задворкам, добрался до переулка и на улицу. А тут—народ: кто с чем бежит.

— Бают, Митьки Чеботарева изба?..

— Поджог...

— Чай, самовар .. поджог тебе, разгильдяйство. .

— Времена не спокойны...

Это по улице бегут и переговариваются.

А около пожара—вой. Известно бабы. И дети тут. Потуши такую сушмень, как же, так вот и потушил в раз!

Подыхало мужицкое добро, а из окна флигеля—красота: черное небо в красных брызгах. Дина глаз оторвать не может. И только крик, уж очень отчаянный, долетевший оттуда—оторвал. Поспешно оделась и к отцу. А его нет. Вышла одна.

Ночь-то теплынь. Не потому, что пожар, а так тепло. Пошла к пожару, а он тише. И небо черней. Было жаль как-то. Угрюмее становилось.

XII. ВОТ И ЯГОДКИ

— Измаялся как сукин сын!—Выругался и сплюнул.— Этак, стал-быть, не наживешь!

— Иззбу-у... у-у-у, распротуды...

— Заживет, Митя, ты, стал-быть, ни того...

— Не хрен тут ждать! Выезжать надо.

— Иззбу-у... обыск сперрва...

— Стал-быть, помочь Лаю похоронить. Ладно. Ты, Степанюк, за меня побудь. Я домой, за лошадью.

— Связались... говорил... расхлебывай тут...

Это Михалев. Ему все не так.

А Павел на улицу вышел. Не рано уж—скоро табуны сгонять.

Тихо идет, а из окон — мужики, некоторые у ворот. И не кланяются Павлу. Сердиты на него, даже беднота косо глядит. Пожар де от него?

И виду не показывай, что боишься, а то—плохо, брат. На что собака, а и то, не боишься если ее, — меньше тявкает, а как заметила, что трусишь,—пропадай: всю глотку раздерет кичливым лаем, и за полу сцепит.

Только в калитку, а тут отец —

— Где таскает тебя, Пашка? Пожар, а его нет!

— Не сгорели, ведь?

— Этого не хватало, дьявал вас лопай! Э-эх...

Повозился немного на дворе Павел и в избу хотел итти. Остановился: на улице шум.

С крыльца — Аксинья. Кубарем. Руки до локтей в тесте и груди из пазухи наружу выскочили.

— Па-ашенька, спассайся!.. За твоей душой пришли!..

Крикнула хрипло.

У Павла будто треснуло в груди и упало. Этак гирька падает, подвешенная на гнилой мочалке. И вниз потянуло, к земле. Опустился весь.

Жена к нему. Оторвался. Браунинг из кармана и к калитке, — на улицу, что бы.

— Па-ашенька, не ходи... Па-а ..

Как дернет калитку, так и защелка к чорту! Перед ним—толпа. А вон Родя, бедняк, и тоже на него. С дубинами, кольями, дробовиками.

— Чего вам, мужики? — Спросил. Спокойно так. Под весенним льдом так же бывает спокойна река...

Эпешили вначале, а потом — один горлан.

— Тебя-а-а, нам!

— Зачем?—А у самого револьвер.

— А-а, вон что .. робя, стрелять будет...

Сзади—жена голосит и за руку. Спереди — наседают ближе. Нечаянно нажал—выстрел в землю. Оттолкнул жену и револьвер о камень. Звякнул только: не достанется им.

— ... держи-ы!..

— ...вяжи-ы!..

Плотнее толпа. Горит. В глазах — кровь. Паучьми лапами тянутся десятки рук с болтами, сердешниками, ножами. Хлещется волной, пенится, кипит кулацкий гнев. Под ногами — земля камаринского отмачивает.

Удары тупыми занозами в тело Павла.

Скрипели зубы. Губы косились. Кривились лица. Из глоток летело

ууу — у-у!

Не крик, а рык звериный.

И с рыком — часть толпы—по улицам к волисполкому.

Поостыли немного. А когда подходили к крыльцу—вперед Гаврило выступил, Потап, и еще ..

Зло и насмешливо

— Пашка, выходи-и!

— Председатель!

— Казначея-а!

Вот ведь гады, что делают!

А те — готовы. Степанюк на крыльцо, правая рука в кармане и угрюмо.

— Зачем? Я за председателя.

Гаврило вперед и начал:

— Ты? А мы думали—Пашка! Ладно, коль. Вот обчая сходка села постановление .. комитет чтобы! Таперича—марш отсюда к ядреной матери! А наперед— отчет дай: где расход какой, приход... А сперва—кассу подай, денежки! И отчет... как в Москву грабленое добро возили! И суд вам! Во-от!

И грязной ладонью, на которой почему-то кровь была, лоб вытер. Тяжело речь такую с непривычки.

А толпа гудом

— ...тринбуции драть!..

— ...голоштанники беспортошные!..

— ...виселицы мало!..

Слушал Степанюк, молчал, только лицо, начиная от шеи, краснело сквозь загар, потом багровело, того и гляди кожа лопнет, а губы так сжались, что хоть кочедыком разжимай.

А в окнах — дружинники. Некоторые на крыльце, а некоторые—в палисаднике. Митька на месте не стоит, взад-вперед.

Степанюк левой рукой этак: тише, мол. И...

— Вам отчет?.. Кассыю?.. — Хрипел вначале, задыхался, срывался голос.— А кто казначея убил? Вы, мошенники! Гляди: на тебе его кровь, на тебе, на тебе! — И пальцем в каждого из них. Невольно: на руки смотрят мужики, отирают их о штаны и сплевывают. А у Степанюка не глаза, а кремни будто, и по ним как бы чекмой, искры...

— А-а, увидели, канальи?.. Комитет вам?.. Отчет?.. Да кто приказал вам, живоглоты?.. Вы? А-ах, вы, бл...

Не успел кончить: свистнул камень и в окно. Заплакало окно разбитым стеклом.

Правая рука из кармана и черное дуло в толпу: холодное оно, это дуло, и бесстрастное.

— Пррочь, мошенники!

Шарахнулись и зарычали.

А по улице еще мужики, с дубинами, рядами идут.

Камень вместо окна попал в плечо Митьке. Другой, третий—камень в окно волисполкома. И разом.

— Бе-эйй!..

— Народное би-ить!..

И в диком реве, извиваясь в судорогах, корчась по земле — сцепились.

Мужицкие кулаки, ножи и когти — на части друг друга. Вырывается мясо, и кровь масляным по клочьям рубах и земле. Сердешники, болты и гири с чавканьем мозжат черепа.

— ..дранцы-ы!..

— ...тчет вам!..

— .. стка-а... ибуция... а...

А над свалкой и ревом — солнце. Не высоко оно, а жарко...

XIII. ЗВОНЫ ПАСХАЛЬНЫЕ

И шляпы не надел: пусть рассыпались бурые пряди. Не до этого теперь отцу Сергию. По площади—к церковной сторожке отмахивает.

А сторож Герасим — туговат он на ухо—заметил: навстречу ему.

— А-а?.. чаво?.. Трезвон, баишь?.. Иду, иду!

И бегом к церкви. Церковь будто из плена—рвется вверх из кудрявой зелени берез.

Без одышки вбежал и залился медью голосов. Распевчатые колокола радуют сердце Гараси, и не разберешь: Гарася пляшет под колокола или колокола вытренькивают под пляс Гараси?

А Сергий уже через парк к барскому дому.

Из боковой алеи—

— Звоны распустили, отец Сергий? Хе-хе-хе...—Хриплый смешок, приятный этакий.

— Не такие еще распустим звоны, Евгений Николаевич! На звоны издревле-русские—не поскупимся, лишь бы Русь собрать!

— Совершенно тактично! Соберем! По всем правилам военного искусства.

— Дело!

— Настоящее святое дело. А большевики—в амбарах уже. Не дал растерзать. Предадим их военно-полевому суду.

— Имеете право, Евгений Николаевич. Но... я также, как пастырь духовный, предам их суду божескому.

— То-есть?

— Святая церковь в лице патриарха нашего Тихона и духовенства всея Руси — прокляла большевиков, отлучив от церкви. Вот, чтобы проклятие не ввергло во ад души не совсем сознательных большевиков нашего села, перед смертью, они должны пройти огонь очищения и помереть через оный...

Рука о. Сергия — застыла в воздухе. А Евгений Николаевич как-то странно захлопал глазами и пробормотал.

— В... ведь это... инквизиция! Костер...

— Пусть! — И руку твердо вниз.— Пусть инквизиция, пусть костер, но костер всеочищения! Мой долг и совесть — божеское начало — требуют от меня этого. Если б в моих силах, я сложил бы костер до облак... Рука — вверх — ... до облак и весь бунт, всех большевиков — предал казни на этом костре!

Не узнать отца Сергия: священный пламень мести окрылил его и даже Тулупчинского заставил ежиться от чего-то.

Вошла Дина и назад испуганно.

— Дочь моя, пробил час освобождения!—Это о. Сергий.

«Пьяный»?—в уме Дины.

— Мужик там, папочка...

— Мужик? Вот где сидит мужик! — По шее кулаком.

Неверно сказал Евгений Николаевич: мужики на сходе были, а не на шее. Сашка писарем сидел, а тут—шум.

— Назад хлеб!

— А где возьмут? В разверстку увезли, а который бесштанникам роздали — взять с них нечего!

— Осенью отдадут! И за Москву и за себя.

— Эк ты, жди до осени!

— Так надо: пусть эта амбарная шантрапа отработает нам лето, а по осени

хлеб отдаст! — Гаврило мудрее всех. Это—его слова. Кум Потап—правая рука Гаврилы—поддержал.

— Правильно!

Так и решили.

За другое было принялись, да посланный пришел.

— Не идет сам. С попом там кисель разводит. Записку вот... Коряво написал Тулупчинский, еле разобрал Сашка, читая вслух:

. . . .

. . . запаханная и поделенная вами остается у вас на все лето 1918 года, за пользование коей по обоюдному нашему уговору должно последовать вознаграждение вместо арендной платы . . . .

. . . впредь до учреждения настоящей монаршей власти восстановить порядок и спокойствие и все отношения как было до февраля месяца тысяча девятьсот семнадцатого .

. . . .

Генерал-лейтенант
Тулупчинский.

Будто украли что: не смотрели в глаза. И—лоб в испарине. Отчего бы? А Сашка вертел письмо, и

— А вот и приписка:

. . . .

содействия вашего в нахождении инвентаря, расхищенного мужиками этого села . . . .

. . . .

Тоже молчали. Прямо душно становилось. И боязно. Также вот замирает провинившийся шалун под занесенною рукой для его наказания.

Из задних рядов:

— Удумал что!..

— Старая крыса...

И загудели. На крысу окрысились.

— Тише вы, не галди!

— Сам-ат не ори! Не больно испугались, тоже...

— Кто это, кто? Анбар по тебе заплакал?

— Да не содомьте, мужики, ну вас...

— Дать денег! Нет поди у него и впрямь. Не получат из казны-то. А насчет земли—как мир.

— Вентарь ему... где его взять?— Это Микифор взвизгнул. У него, вишь, железная борона с барского двора.

— К земле под'езжат...

— Виноваты мы...

— Тиша! Как это вы супротив? Чай, и ему жаль своего. Ну? Отдать надо.

— Отдать? Ишь, купилы єсть... А мы на что купим?

— Не задирай-а ты!

— Не задираю я! Ничья она, земля-то...

— Во-от! И я так же .. Деньжонками — помочь ему. А насчет землицы и винтаря — погодить. Потому — декрет на землю.. А супротив мужицкого декрету—нельзя чтобы... который, ежли, нам в пользу. Когда уж — центир решит..

— ...и нечего перерешать здеся! Надо по справедливому все: мужикам земля. Кто сколь спашет, — столь и паши!

— Прравильна!

— А старику-барину зачем земля? Будет, пожил.. Казна прокормит.

Разберись тут, когда в раз все. Выкрики как галки в пожар: летят вверх, падают оттуда и зажигают. Не разберешься в них.

А тут еще Гарася на колоколах názяривает.

У Сашки мысли, от трезвону видно, совсем другие. Итти бы... и пошел ведь, пошел!

XIV. ЗЕЛЕНЫЕ КРУГИ

Веки будто приклеил кто: отдирал их тяжело набухшим пальцем. И везде: в груди, в суставах, ногах—набухло.

Смотрит вверх: крыша. Вокруг — возятся, пыхтят и стонут. Всхлипывают. И в стонах —

— Совет... Пашка... анбар...

Лязгнула дверь ржавыми зубами. И к нему.

— Ну, земной царь, вылезай!—Как за стеной голос. Хоть больно, а подумал:

«Мне говорят»... Поднимался.

— С похмелья, мило-ой. Мы те покажем...

В глазах — круги. В кругах — Сашка. Сашка искал Митьку, но нигде не находил.

Покачивался Павел, а в дверь—трезвон. Пасха? Или сон? И летят лоскутья колокольного звона, больно от него, ломит голову.

— Здоро-о, председатель волостной!

— Ха-ха-ха!..

— Хе-хе-хе!..

— Пжаласта, не бери разверску, Пал-Макарыч!..

— Будь отцом родным..

И поклоны Павлу.

— Ха-ха-ха!..

— Хе-хе-хе!..

А у амбара-то как хорошо: солнечно, народ. И урядник: где-то форму достал.

Кто-то:

— Неча с ним шутки шутить, на месте его!—И по собачьи

— рррр!..

Темнеет в глазах, качается земля, плывет из под ног.

Схватили под мышки и повели. Не дали бить, а только сам этак, тыкали в бока.

Ведут, а за ним народ: визжат, плачут, и ругаются.

Остановились. Впереди—серое: амбар.

Сорвали: гимнастерку, штаны, обувь.

Открылась черной пастью дверь и туда — толкнули его. Заплелись ноги и голова ударилась обо что-то: звук тупой, не звонкий.

Мешалось черное с белым, фиолетовое с красным и, потом подхватили зеленые круги, завертели и утянули в неизвестное...

А Сашка, отходя от амбара, плевался

— Чоррт... Удрал, сукин сын! Нигде нет.

Про Митьку это.

XV. В ДУБКАХ

Не только Митька удрал, а и другие— Степанюк, Михалев и еще. Собрались в Дубках. Так местность называется.

— Ты, Митьк, валяй в город, к брату.

— Да что я — пызжай ты!

— А ты?

— А я — не поеду. Ванька Шулдый уехал и пусть. Приедут. А я — в село.

— Да зачем же в село?

— А уж—надо! Ночью катну.

— Нет, не пустим. Подождать немного бы..

Подумал Митька и сказал:

— Ладно.

Кто его знает, что думал Митька: об избе, видно. Сожгли, ведь, скоро ли наживешь?

Ушли в овраг и легли на траву. Не надо охраны: кой чорт найдет?

Жрать только нечего. А хочется. Кто принесет?

XVI. В МОРОКЕ

Кто принесет, когда люди. —

— Как в мороке какой,—говорили на селе.

Аксинья разливалась соленой слезой.

— Ох, да и разнесчастная сиротининушка...

А Макар приглаживает лохматые брови, утешает.

— Будет, Аксюха, не реви. Пошла бы лучше да снесла что, Пашке-то. Не умер, чай...

— Не... не... пус... кают...

— Пустют, можа. Самому, что ли... Стыдят... Эх, Пашка, достукался: говорил ему, не-эт, не послушал!

А Павла — сдавили. Около возились в судорогах и корчах, переплетались, впиваясь ногтями и зубами друг в друга, потом, скаля зубы, отталкивались.

На него лезут. Не успеет одних оттолкнуть—другие лезут.

Давит грудь: дышать нечем.

Кто знает сколько дней и ночей сидят в амбаре? Собрали их и напичкали, как сусек хлеба, до верху. С ума, что ли сходят:

Рычат и с визгом и диким хохотом скачут по свившимися телам, падают и вцепившись—борются.

В ноздри и рот — прет зловонием отбросов, крови и пота. Дух не переведешь! В горле—клей.

— Пи-ить!..

Никто не услышит.

Однажды

по собачьи лязгнула дверь и в нее—слепым бельмом — глянул предрассвет. В бельме—люди черным, зажимают носы и назад.

А в амбар—свежее ворвалось и одурманило. Разинутыми глотками пили

— Они к растрелу меня... Поодиночке—всех перестреляют... стал-быть, на них идем, глотки перегрызем...

Сорвался голос. В ответ—

Могильная тишина, смешанная с тяжелым придавленным сопением.

Жутко тишины. Не выдержал:

— Не пойду ночью... не пойду...

— *Не отрекусь! Плохого не делил, стал-быть. Это вы—убивцы...*

свежее, захлебывались, и не верили, что дышат свежим.

И снова—люди в бельме.

— Выходи, земной царь!

Убьют... убьют... Все тело—против смерти. Жить хочется, жить! И жизнь бурливо из груди, через горло, заклокотала.

— Товарищи!.. Вы... стал-быть, слышали, что они говорят?

Слова придавили к полу тех, что в амбаре.

днем приходите...

Зачем днем? Не знал. Так требовала жизнь.

Из дверей—

— Молчать, подлец! Выходи!

— Эй, люди, выталкивай его, не то—бонбу закачу в анбар!

Холодно сказано. Жизнь—боится холода. Хочется ей: дышать свежим, видеть солнце, пить воду.

Зашевелились в углах и поползло моляще-угрожающее. На полу всхлипы-

вали толи от радости (свежим дышат), толи от горя. И просили Павла.

У стены Павел ослаб, опустился. Впились когтями в него и к двери, а в дверях —

— Скорее, не то—бонбу...

Вытолкнули. Свои же ведь!

Встретили Павла:

Ветерок виновато-ласковый, ночь без луны и звезд и черные в ночи—люди. Молча под мышки его и повели.

Не молчит ветер: треплет космы ветел, и ветлы жалобно-жалобно шумят. А село спит.

Ведут и молчат. У амбара одного — остановились. Павла к стенке. Ни слова. Молчит. Пу-усть!

Отошли. Целятся. Молчат. Зубы—до боли в скулах.

Опускают ружья.

— Вот что, — глухо заговорили, — отрекись ты... Всего дадим. Без советов только и без разверсток. Главное — без разверсток. А за землю — стой, поддержим. И других уговори, а то—вот! — Ружьями тряхнули.

Помолчал немного, а потом —

— Не отрекусь! Плохого не делал, стал-быть. Это вы—убивцы ..

В спину — приклад, в зубах — кулак увяз. Но уцелел и на этот раз Павел. Снова в амбар его.

А ведь темь, что ты ни говори! На то и ночь.

И ночью, через запущенный парк, по бурьяну — тень: человек идет. Зашел с нежилой стороны и долго возился на корточках: у одного места, у другого, третьего. И там, где приседал — вскакивали ласковые язычки и горячо лизали красным.

От дома, бегом в парк. А язычки все разрастались.

Неожиданно — остановился. Толчется. Будто позабыл что.

Решился: назад, к разрастающимся языкам, которые пугают тьму. Не заметили еще: в набат не бьют.

Подбежал к флигелю, где живут.

А Дина видела сон:

Кто-то гонится, вот-вот схватит ее, но—со стороны—стук.

Во сне или на яву? Окно разлетелось, в комнате, человек, подошел к кровати.

— Барышня, вставай, а то сгоришь. Скорее!

— Кто это, кто? Папочка?

— Не пугайся. Тятьки твоего нет, у попа наверно, в комитетах сидит.

— Кто вы, кто?

— А ты скорея! Я это, не узнала, что-ль?

— А-а, Митрий...

— Самый Митька и есть. Одевайся: вот... Да не стыдись ты, больно нужна...

— Ах...

— Не ахай, голых баб, что-ли, не видел? Не выкушу. Ну, вот! В оконшко айда, а там—горит. Не лязгай-а ты зубами-та... Сгорела бы, да...

Почти выволок в окно. От красных языков — краснеют деревья, а ночь пугается и уходит дальше—сгущается. Высоко-высоко, в черном небе, вьются, рассыпаясь искрами, галки.

Из черноты, со стороны села, дрогнуло: не пасхальный звон, а бульканье набата.

У Дины под коленками что-то...

— Не падай... Э-эх!.. — И Митька— Дину на плечо. Чуть не бегом — по гумнам. В селе — шум: бегут на пожар.

— Пусть! А ты не плачь, барышня. Здесь гумно, вот. Я пояском тебя .. вот так... свяжу. Полежи и дожидайся меня. Я скоро. Не кричи мотри, а то...

От гумен побежал наискось.

На задворках остановился. Здесь! Рядом поповский дом, а немного подальше—Родин дворишка. Чорт с ним! Его не жалели...

Чирк... чирк...

И красные язычки на задворках. Будет знать Сашка. И ты—такой же богач теперь...

Прибежал на гумно к Дине, а она — чуть жива, в обмороке, На плечо ее и в поле, к „Дубкам".

Залег ..

— Напиши, барышня, отцу, чтобы он не трогал наших, а не то тебе — капут! Я снесу ..

А по селу метались, уже мычат коегде коровы, ржут лошади и растерянно блеют беспомощные овцы.

Крик, а в крике — стрельба.

Один амбар чуть не разбили и чуть не выпустили заключенную бедноту.

XVII. ЛЮДИ ПУЛЕМЕТНЫХ ЛЕНТ

И не назовешь иначе: идет красногвардеец, а у него с плеч к поясу, крест на крест, пулеметные ленты. У пояса — бомбы, ноган, шашка. Идет и хоть бы что: весь мир у него в руках. А тут, как известили: чехи наступают, так и вовсе рвут и мечут. Не гляди, что маленький городишка, а и в нем буржуев не мало. В заклад их, чтобы остающиеся семейства не вырезали.

А ведь и глух же был уездный городок, особенно летом. Теперь же не узнает его Андрей Чеботарев: все на ногах.

Скоро выезжать, а надо — к себе заехать, в село: своих ребят забрать, брата. Начальником был Андрей, раз только и домой заявлялся с тех пор, как с фронта пришел.

На карем жеребчике по улицам — хорошо!

Так и выплясывает жеребец, хоть и в мыле. Парень сидит и по сторонам. Красногвардеец навстречу.

— Слышь-ка, товарищ, где бы Андрея Чеботарева найти?

— Это меня спрашиваешь?

— Знамо не вон энтого!.

— Пызжай где раньше воинскай был. Прямо так. Через мост переедешь и направо. А что—новости рази какие?

— Нет, из села я. Из того самого, откуда Андрюшка. Кавардак там...

— Э-э, везде теперь. Ничего-о! Намылим рожу-та! Бонбы о них плачут, кровососах! — И „бутылкой" в воздухе. Прохожий. —

— Тише ты... Кой грех...

— А-а, спугался? Вот они, хваты какие. Уйме-ом! Ну, езжай, мне сменять надо, на пост я.

Нашел Андрея и к делу прямо.

— Выручай, брат, беда!—И рассказал.

— Та-ак! Ладно. Денька через два-три—туда ахнем.

— Сьчас бы надо.

— Некогда. Здесь бы управиться. А туда—сам поеду. Обязательно сам. Мы им...

— Надо бы, надо!

— А ты... записку вот! Патронов иди получи и бомб. Ружье тоже. Вешай больше: пригодятся!

— Давай! Дело. Э-эх, пошуруем теперь... А Карька я не отдам Гавриле!

— Вот! А потом чай пить будем. Жаркий день, пьется.

— А чехи как?

— Идут... Чугунки-то здесь нет, не в раз прискачешь. Ффу, жарко. .

XVIII. БУРЕНКА В ХЛЕБАХ

И в селе жарко, а Грушка и на погребице что-то не сидит. А целой осталась погребица, не сгорела, изба тоже цела. Все добро в сундуках да на телегах, в случае чего — вывез.

Мужики что-то по селу все бегают, редкие—в поле. Вот ведь дни какие!

Пастух и тот чуть не в обед скотину пригоняет.

— А Буренки нет, прорва ее возьми... Иди, Грушка, в яровой, чай?..

— А ты сама, мам...

— Что еще?

— Да... боязно...

— Э-эка... боязно, подумаешь!..

— Ну, ну — пойду! Не ворчи...

В яровое пошла.

Боязно...

Солнце расписывает закатное небо, а перед закатом—мужики дерутся. Сказывали: Степанюк на своем загоне был... Не вытерпел: работать хочется.

Идет Грушка и смотрит: нет ли кого, не видно ли Буренки.

А Буренка в хлебах! к ней бегом. Не загнали бы...

На овсе ходит... Рядом — конопли. От конопель забегала уж, а на меже — верховой: спрыгнул с лошади, захлестнул повод и к Грушке. А Грушка и с места не сдвинется, сердце замерло. В два прыжка к ней и —

— Здравствуй, Груша! Давно не видел тебя! — И дышет тяжело.

— Сашка... убивец. . уйди!

— Ка-ак? Ты...

Не договорил:

Высвободила руку и что есть мочи — в лицо Сашке.

Зажмурил глаза и ладонью по лицу. Грушка освободилась и от него. Не успела убежать: догнал и с силой — обхватил и в конопли. Царапается Грушка,

кусается и визжит. Платок слетел, растрепалась коса и лезет в глаза. А конопли высокие и пахнет от них тяжелым, приятным запахом.

Не отбилась Грушка: Сашка был сильнее...

XIX. ОГОНЬ ОЧИЩЕНИЯ

— Деды мои жили в этом доме... и сожгли!

— Не нужно убиваться ..

— Дочь... Ах, не надо, не надо этого делать, о. Сергий!

— Не беспокойтесь, Евгений Николаевич. У них — ваша дочь в закладе, а у нас — Митька теперь. И других много. А вам — помнить надо: миссия на вас... нужны жертвы. Ваше имя—войдет в историю...

— Дина... Дина... Что с ней? Жива ли? Нет, не надо костра... выручать ее сначала, отбить, выкупить...

— Нет, костер будет. Должен быть! Торжества очищения разработаны мною совместно с комитетом. После пожара мужики удивительно податливы и настолько оказались изобретательны, что я поразился. Сейчас идет спешное приготовление... На торжества стекутся жители всех окрестных деревень...

О. Сергей так поглощен предстоящим, что не ел ничего и почти не спал. Давно, очень давно, когда юношей был, хотелось ему совершить подвиг... А с этим подвигом—многое связывал о. Сергий, не только святость, но—известность в истории Руси.

И — вот: сон на яву...

Приказы: строже держать заключенных—от него. А заключенные и без того содержатся строго.

Чувствует Павел. Как уцелел Павел — трудно сказать. Живучести, видно, много.

Пронизывается болью все тело, в висках — стук, в ушах — звон.

Опухшие пальцы, клейкие, ощупывают, приподнимают веки и сам приподнимается: стены. Хоть темно, а видит их. В щель пробивается свет и на полу расплывается пятном. В пятне—двое. Лежат.

Товарищи!.. — окликнул. Не шевелятся. Спят что ли? Подполз и рукой. Окоченели... Тот, что с вз'ерошенными прядями волос, будто знакомый... Да .. узнал его: Митька это... Голова у него—под себя немного. А другой—неизвестный.

После прочтения — торжественно было тихо. В тишине — голос о. Сергия.

Напрягает мысль, но —

Прыгают трупы и качаются стены. Подбрасывает как в люльке. И к полу.

Когда очнулся — скрипела дверь и в амбар плескался свет. Со светом—звуки улицы лезут наперебой, и не отделить один звук от другого.

Вошли в амбар и молча — вынесли. Стоял фургон. На нем—живые и мертвые лежат. И его тут же положили.

Выезжали фургоны с живым и мертвым грузом за село, проезжали сквозь шумную толпу мужиков и остановились у большего омета соломы.

Не простой омет: посередине, выше его, площадка из досок, а на ней—столбы. Всех выше — средний столб.

Живых — к столбам привязывали, а мертвых—у их ног складывали. У среднего столба, самого большого, привязан Павел Богданов, председатель волисполкома.

Жжет привязанных к полудню поднимающееся солнце, сушит слюну и знобит в то же время.

Вокруг омета, и туда дальше за народ, белая дружина: с вилами и дробовиками. А около омета, на возвышении, вокруг которого — иконы, кресты и хоругви,—отец Сергий, в черной ризе, с книжкой и крестом.

Потом — Сашка Потапов вошел с грамотой, без шапки и громко, чтобы всем слыхать, прочитал:

. . . .
. . . постановление военно-полевого суда и покаяние возложенное церковью . . . . .
на крамольников родины (имя рек) . . . .
смерти через огнь очищения.
. . . .

После прочтения—торжественно было: тихо. В тишине—голос о. Сергия.

— Каетесь ли, о, человеки?—крестом—осужденных, — ибо приспел час, когда вы явитесь пред лицом всевышнего . . — И мужикам, что стоят вокруг:—се люди (указывает на осужденных), которых церковь святая предала анафеме за их злодеяние, учиненное родине нашей... Дабы очистить себя пред всевышним, искупить грехи свои и тем облегчить участь свою на свете том,—они должны в жизни сей, покаявшись, пройти огонь очищения!

А в это время пятеро мужиков зажигали жгуты просмоленной кудели.

Все больше зажигался проповедью о. Сергий и все ближе надвигались собравшиеся мужики, сопели и о чем-то тяжело думали.

В толпе—взвизг: продирается женщина к омету.

Это Аксинья; она тискалась к возвышению, забилась в истерике и упала на руки подхвативших ее мужиков. А тут нашлись кликуши еще, поднялся визг, плач и ругань.

Евгений Николаевич!—

— Потушить!.. Потушить!.. Дину... Динуся... деточка! Я бывало... О. Сергий, я приказываю!.. Приказываю...— Но его голос тонул в общем шуме и поэтому беспомощно как-то—опустился он у возвышения.

По яровому бежит женщина. Треплются косы, по голым коленям бьется овес, а она—все, дальше, на большак хочет. Только выбежала на большак, спустилась в дол, а навстречу—отряд конный.

— Эге, Грушка!

Остановилась. Знакомые, что ль? На карем жеребце подскочил к ней. Узнала—Ванька Шулдый. А другой... знакомый, на него похож...

— ... Скорее... скорее... жгут...

— Что ты, девка? Говори толком!

— Жечь хотят! Там... за селом...

С гиком—к селу. Рассыпались в цепь и, цепью, по хлебам, к толпе народа, что близ села, у омета.

— Из ручного... с верховой...

Треснул пулемет, испуганным стадом метнулся народ и с визгом—в стороны. А с низу — загорелся омет. Чуть-чуть подоспели.

Андрей смотрит на спасенных и не узнает.

— Спасибо... Андрюша... Не забуду. Меня спас, а брата... не успел...— И обессилев—упал. У Андрея—лопнуло что-то в груди. А Ванька Шулдый:

— Ведь это—Павел!

— Паша?!.

И только сейчас дошло до сознания: „а брата—не успел“...

На взмыленную лошадь с одного взмаху и...

— Крови кулацкой, крови!!.

... С размаху — гранаты в окна кулаков. От взрывов летели куски, и бревна—рвались в щепки.

ДВА ВЕКА

(К 200-летнему юбилею Академии Наук)

1725—1925

Два века. Пройден тяжкий и тернистый, но славный путь упорного и бесконечно медленного труда научных исканий, смелых открытий и дерзких достижений. Срок огромный—можно подвести итоги. День 6-го сентября не только юбилей руской науки, праздник всего Союза Совет. Соц. Республик, но торжество в мировом масштабе.

Чтобы понять настоящее, нужно вспомнить прошлое, — перевернуть несколько страниц истории.

Русское общество, для которого, собственно, и создавалась Петром Академия Наук, нуждалось не в высшем ученом учреждении, а в учителях грамоты, начальных школах. Значение науки мало кто-нибудь понимал, еще менее ею интересовались.

Школ светских не было; основанная в 1682 г. славяно-греко-латинская академия, которая по первоначальному плану должна была служить всей „мудрости-науки"—стала вполне духовной школой. Учителей не было. Богатые люди, побывавшие за границей и узревшие там „пользу от наук" пользовались для своих детей услугами крепостных людей, случайно и неведомо каким путем познавших премудрость грамоты.

Преподавание велось по церковным книгам: Псалтирь, Часослов, Апостол и друг. Программа образования была предуказана в первой печатной русской грамматике Мелетия Смотрицкого (1648 г.), где говорится: „издревле россійскимъ дѣтоводцемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часослову и псалтири, та же писати, по сих же нѣцыи преподають и чтение Апостола".

С достаточной ясностью едва ли даже немногие понимали, что учение не только обогащает память, но должно научить думать и рассуждать, воспитывает и дисциплинирует ум. При обучении новым языкам иной учитель заставлял детей выучивать наизуст страницы из словаря или статьи из Энциклопедии. Вообще же считалось грехом читать иностранные книги, как неправославные. В правилах юношеству в заповедях церковных (1702 г.) имеется следующее наставление:

„...не чести книг еретических, ниже слушати вредоносного учения тех неискусных о божественном и святом писании и ведении священного благочестия, по ниже с таковыми разглагольствовати, ниже сообщатися"...

Стремление заниматься науками квалифицировалось церковью как „козни врага рода человеческого и сатанинское коварство". Напуганное церковью, коснеющее в своем невежестве русское общество начала XVIII века не только не понимало необходимости образования, но даже сторонилось его.

И только П е т р воистину „вздернул Россию на дыбы". Еще ребенком он рос среди иностранцев и полюбил их язык, нравы. Он, как говорит про него современник, „все в совершенстве изучи... книжное же учение толико имея в твердости, что вся Евангелии и Апостол неизусть или памятью остро прочитал...", но когда ему на глаза попалась астролябия, то никто из его русских учителей не мог об'яснить назначение этого инструмента и только иностранец дал ему толковое об'яснение. Это еще более укрепило в смышленом ребенке любовь и веру в силу иноземной науки. Природная любознательность, бессознательная тяга к „раритетам и монстрам", желание изучить кораблестроительство и фортификацию неудержимо влекли его за границу. После первой же поездки он ведет с патриархом разговор о распространении просвещения в России (1698 г.) „хотя бы послать десять человек в Киев в школы"... „...и из школы бы во всякия потребы люди, благоразумно учася происходили в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство"...

Во время следующей заграничной поездки, особенно после посещения парижской академии и общения с гениальным немецким философом Л е й б н и ц о м, у П е т р а созрело твердое решение создать Академию — „про свою шляхетскую юность повелеть соизволили академию уставить". Л е й б н и ц представил докладную записку (1712—1716 г.г.), в которой он изложил план, что нужно сделать для распространения наук и просвещения в России. По

плану предполагалось основать академию — высшее учебное заведение для образования юношества, затем учредить „коллегию наук“. В коллегию должны входить люди: „1. науки свои наилучшимъ образомъ описать и оныя еще ежедневно въ искусство производить, дабы что новаго еще въ оныхъ инвентовали; 2. смотрѣть, чтобъ младенчество въ государствѣ во всякихъ добрыхъ наукахъ воспитано было; 3. когда младенчество въ состояніи есть въ чюжия краи ѣхать, всякого испытать, къ чему который способнее“...

Неизвестно, читал ли Петр докладную записку Лейбница или нет, но в следующем году главный хранитель царской кунсткамеры, лейб-медик Блюментрост, по поручению царя, вступил в переговоры с знаменитым профессором Х. Вольфом, приглашая его перейти на русскую службу для образования в Петербурге Академии. А в феврале 1721 г. царь отправил своего библиотекаря Шумахера за границу хлопотать „для сочинения социетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах“.

22 января 1724 г. лейб-медик Блюментрост представил Петру подробный проект Академии, который был утвержден. Согласно этому проекту предполагалось создать два учреждения. Академию — высшее ученое общество, „собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем реде знают... но и через новые инвенты оныя совершить и умножить тщатся...“ и Университет — высшее учебное заведение, „есть собрание ученых людей, которые высоким наукам... младых людей обучают“.

Такое совмещение учебных целей с чисто научными было обусловлено особенными условиями России, где государству требовались люди науки, могущие немедленно использовать в практическом отношении свои знания, и в то же время необходимо было создать постоянный кадр новых работников.

Академия должна была состоять из трех классов: „в первом классе содержались бы все науки математические и которые от оных зависят; во 2-м — все части физики; в 3-м — гуманиора, история и права“.

Университет подразделялся на три факультета: юридический, медицинский и философский.

Академии передавались библиотека и кунсткамера, основанные Петром. Библиотека была создана из случайно приобретенных и пожертвованных книг, замечательна, как первое доступное для общественного пользования книгохранилище.

На содержание Академии, по собственноручной резолюции Петра, было назначено 24.912 руб.

Что касается штата, то по плану, Академия должна была состоять из 11 членов, которых решено было выписать из-за границы. Помощников (ад'юнктов) ученые выбирают сами (большинство из них так-же были приисканы за границей), но Петр сделал оговорку — „надлежит по два человека еще прибавить, которые из славенского народа, дабы могли удобнее учить русских“.

Не легкое было дело найти за границей академиков для Русской Академии. Ученые с именем и заслугами перед наукой не решались ехать в Россию, от которой их отталкивала грубость нравов, некультурность и, наконец, деспотизм царя. Людей, желавших быть профессорами и получать хорошие оклады, было много, но строгий в выборе Вольф, которому это дело было поручено за границей, беспощадно их разоблачал. В конце 1724 и начале 1725 г. академики начали с'езжаться, но 28 января 1725 г. Петр скончался, не увидев осуществления своей любимой идеи. Смерть Петра внесла некоторое замешательство. Судьба Академии висела в воздухе...

Екатерина I, в подтверждение воли покойного царя, издает особый рескрипт о приглашении ученых в Академию.

Во 2-ой половине 1725 г. ученые с'ехались. Приехали десять профессоров из шестнадцати приглашенных (Герман, Мартини, Коль, Делиль, Миллер, Н. и Д. Бернулли и друг.). Для прибывших академиков Екатерина приказала — „чтоб дом академический домашними потребами удостоить и академиков недели с три или с месяц не взачет кушаньем довольствовать, а потом подрядить за настоящую цену, наняв от Академии эконома, кормить в том же доме, дабы, ходя в трактиры и другие мелкие домы, с непотребными обращаючись, не обучились от них непотребных обычаев, и в других забавах времени не теряли бездельно...“.

15 августа 1725 г. состоялась торжественная аудиенция в Летнем Саду — Блюментрост представлял Екатерине ученых, которых она приняла милостиво и обещала свое покровительство.

12 ноября уже состоялась первая конференция на Петроградской стороне в доме Шафирова.

Академия родилась. Академия начала жить и работать.

Нужно было заявить о себе перед русским обществом, возбудить интерес к научной работе и снискать к себе благорасположение. Последнее было необходимо, так как на „нашествие иноземных ученых“ русские люди смотрели косо.

27 декабря 1725 г. было устроено первое торжественное заседание, на которое было приглашено петербургское общество. Здесь было положено начало той связи между Академией и русским обществом, между наукой и жизнью, которая предопределяла ход научной мысли за истекшие два века, заставляя ее чутко прислушиваться к потребностям жизни и понимать свое значение и ответственность в возрождающейся стране.

Празднества кончились, Академия открыта и... о ней забыли.

Когда умерла Екатерина I, двор переехал в Москву, вместе с ним уехал и „добрый гений“—первый президент Академии лейбмедик Блюментрост. Академия осталась на попечении деспотического секретаря Шумахера, который „блюл“ больше всего свои личные выгоды и пользу, чем интересы науки и, кроме того, бесхозяйственно вел дела.

Начались трудные и черные дни...

Устава Академии не было, так как представленный на утверждение Екатерине I проект утвержден ею не был. Открывалось широкое поле для личного произвола власть имущих. Новые академики не избирались, а назначались. Благодаря протекции и покровительству в Академию попало несколько человек, ничего общего с наукой не имеющие, а умеющие только „писать бойко стихи и аллегории“. Начались денежные затруднения. В 1736 г. Корф — президент пишет о безвыходном положении Академии, которая „ежели скорой помощи не получит и не приведена будет в надлежащее и определенное состояние, то имеет без сомнения разрушиться“, а Шумахер вошел с докладом в кабинет министров: „...едва не все при Академии Наук обретающиеся служители вместо исправления своей должности и работы, для нужного пропитания по миру ходить и время свое прошением милостыни препровождать принуждены“. Правительство очень скупо отпускало деньги и задолженность Академии продолжала увеличиваться. Некоторые академики (Коль, Мартини, Герман и Д. Бернулли) покинули Россию.

Работа ученых стеснялась вмешательством Синода, косностью и невежеством властей. Речь ак. Делиля, где разрешался вопрос о вращении земли, не было разрешено напечатать. Ак. Миллер был обвинен в оскорблении величества за рукопись с выписками из иностранных писателей о России, где был, между прочим, рассказ, как наши великие князья должны были унижаться перед татарами. Русской историей нельзя было заниматься и, когда Академия представила подробный план для печатания своих работ в этой области, то Синод определил:

„Рассуждаемо было, что в Академии затевают историю печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственныя... отчего в народе может произойти не без соблазна“.

И все-же, при всех этих неблагоприятных обстоятельствах научная жизнь ни на минуту не прерывалась. Академия внутренно росла и крепла.

Особенно процветала математика — наука, которой не было препятствий к дальнейшему усовершенствованию, так как занятия ею не требовали перестройки мировоззрений, не ставили ученого в борьбу с установившимся укладом жизни. Имена Бернулли, Эйлера и друг. надолго останутся в памяти человечества.

Исключительный интерес Академия проявила к изучению России. Уже через 7 лет после открытия Академии была снаряжена экспедиция в Сибирь, совершенная академиками Гмелиным, Миллером, Фишером. Эта экспедиция обогатила науку множеством важных открытий, что составило эпоху не только в жизни Академии, но и вообще науки (экспедиция длилась 11 лет). Была составлена первая карта России, получены первые данные о народах Сибири, составлена первая научная история Сибири.

Уже с 1728 г. Академия издавала „Комментарии“ (Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae), которые пользовались большим успехом за границей.

Одновременно с чисто научными достижениями велась и широкая общественная работа. В типографии Академии началось печатание светских книг, календарей, учебников и проч. В 1738 г. был учрежден „переводческий

департамент", задачей которого был перевод иностранной литературы на русский язык.

Не чужды были Академии и интересы практической жизни. Словолитня Академии снабжала шрифтом другие типографии: по специальному заказу был изготовлен грузинский шрифт. Для обучения и собственных нужд при Академии были сорганизованы рисовальная и гравировальная мастерские. Лучшее, что дала русская гравюра, по мнению знатоков этого дела, принадлежит мастерам, вышедшим из мастерской Академии.

Университет и гимназия, созданные при Академии, вначале влачили жалкое существование (в гимназии на 5-ый год ее существования было только 14 человек; пришлось применять особые меры для привлечения учеников), но с назначением ректором Университета первого русского академика М. В. Ломоносова, состояние их значительно улучшилось. Вообще вступление М. В. Ломоносова (вначале в звании ад'юнкта физического класса,—1742 г.) и его участие в жизни Академии ознаменовало новую эпоху.

К сожалению этот период жизни Академии омрачился внутренней ожесточенной борьбой двух партий: русской — во главе которой стоял Ломоносов, и немецкой, возглавляемой Шумахером. Последний корыстно пользовался своими влиятельными связями, уничтожил всякую коллегиальность в делах управления Академией, делал публичные выговоры академикам, вмешивался в их научную работу и поставил их в такую зависимость от канцелярии, что академики не выдержали и... взбунтовались.

В результате, наконец, появился долгожданный „Регламент Академии Наук и Художеств в Санктпетербурге", подписанный Екатериной II 24 июля 1747 г., который должен быть урегулировать жизнь Академии. Академия определялась, „как собрание ученых людей, которые называются академиками, стараются познавать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел и через свое испытание и науку один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ". Было установлено 4 класса при Академии: астрономический (3 члена), физический (3 члена), физико-математический (2 члена) и математический (1 член).

Из нового устава, вопреки завету Петра, были совершенно исключены науки исторические. По штату назначалось 53.298 руб. в год, которые президент по своему усмотрению распределяет на нужды Академии. Устав мало изменил жизнь Академии, так как влияние Шумахера оставалось попрежнему и в значительной степени дезорганизовало научную работу.

В 1747 г. был пожар в Академии—сгорела кунсткамера. В огне погибло значительное количество книг, анатомических вещей и астрономическая обсерватория.

Академия приходила в упадок. Видя „...Академию наук в великом нестроении и почти в совершенном упадке"... Екатерина назначила главным директором графа В. Г. Орлова. Последний с большой энергией принялся за восстановление Академии и, действительно, много сделал — содействовал снаряжению нескольких научных экспедиций по России, Кавказу и Сибири Палласа, С. Гмелина, Лепехина, Георги и др.), обогатил библиотеку и кунсткамеру, организовал астрономическую обсерваторию.

Однако с утратой влияния при дворе он был уволен от всех дел. Светлое воспоминание о себе оставила кн. Дашкова, которая была назначена директором Академии в 1872 г. Новая директрисса основала публичные курсы, на которых академики читали на русском языке математику, физику, химию и другие науки. Ею же был основан „Собеседник любителей российского слова", в котором сотрудничали лучшие силы (Фонвизин, Державин, Херасков и друг.), организовано несколько экспедиций, издано много научных трудов и широко распространялись среди читающей публики светские книги.

Существенно изменили структуру и жизнь Академии уставы 1803 г. и 1836 г. Академия Наук признавалась, как „первенствующее ученое сословие в Российской Империи", обязанности которого „...расширять пределы всякого рода полезных человочеству знаний, совершенствуя и обогащая оныя новыми открытиями, иметь попечение о распространении просвещения вообще и о направлении оного ко благу общему" и, наконец, „приспособлять полезныя теории и следствия опытов и ученых наблюдений к практическому употреблению". Состав Академии был увеличен до 21 академика и 10 ад'юнктов. Впервые Академия

было предоставлено право избрания академиков, которое, правда, неоднократно нарушалось правительством (устав 1803 г.). На содержание Академии было ассигновано ежегодно 67.032 руб. (устав 1834 г.).

Уставы 1803 г. и 1836 г. открыли широкие возможности для плодотворной научной работы.

Русское общество поднялось до сознания значения и важности этой работы и утвердило за Академией право „первого ученого сословия“, а правительство связало благосостояние и судьбы страны с жизнью этого учреждения.

XIX век богат безмерными заслугами Академии перед страной, перед всем человечеством.

Исчислить их невозможно в этом кратком очерке, а оценит их только потомство, которое пожнет труды вековой, кропотливой работы научной мысли.

Можно только наметить вехи, этапы...

В стране, которая лежит на перепутьи между Европой и Азией, в состав которой входит огромное население, живущее в восточной части Союза, уже давно проявился большой научный интерес к жизни Востока. Многочисленными исследователями собраны богатейшие коллекции азиатского Востока, как об'екты вещественные, этнографические и археологические, так и материал словесно-звуковой. Из них в 1818 г. возник Восточный кабинет, ныне Азиатский Музей, в котором в настоящее время сосредоточено, главным образом, собрание книг и рукописей по ближнему, среднему и дальнему Востоку (остальные экспонаты переданы в другие музеи). Эта библиотека содержит около 500 тысяч названий рукописей и книг, и является одной из первых в мире.

Начиная с первой научной экспедиции, снаряженной Академией в 1733 г. (Гмелина) и всех последующих, весь этнографический, ботанический и другие материалы собирались вначале в кунсткамере, откуда затем были созданы два музея — Ботанический Музей (1824 г.) и Музей Антропологии и Этнографии (1879 г.). Что касается первого — Ботанического Музея, то он содержит в себе ценнейшие коллекции, представляющие не только редкую флору России, но и других стран. Этот музей неоднократно привлекал внимание иностранных ученых, которые пользовались его услугами.

Музей Антропологии и Этнографии собрал этнографический и антропологический материалы Севера России, Сибири, Дальнего Востока, Индии, Австралии, Северной и Южной Америки и других стран. В нем представлены все типы человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая культурой современных народов.

Богато и блестяще представлен Зоологический Музей (1893 г.) с его библиотекой — обширным собранием зоологической литературы. Выставочный отдел музея привлекает большое количество людей (посещаемость за 1924 г. — 39.047 чел.). Культурно-просветительное значение его прогрессивно возрастает.

При Академии Наук имеются: музеи геологический и минералогический, библиотека, Пушкинский Дом и целый ряд других подведомственных ей учреждений: Библиотека Академии — третье по размерам книгохранилище в России и содержит 4 миллиона книг и рукописей. Пушкинский Дом — это сокровищница русской литературы и памятников ее. Он обладает около 1 миллиона рукописей и имеет библиотеку в 100.000 томов.

Совершенно исключительными по своему значению являются: Главная Российская Астрономическая Обсерватория в Пулкове и Постоянная Сейсмическая Комиссия при Академии Наук. Астрономическая Обсерватория в Пулкове (основ. 1839 г.) снабжена большим количеством ценных инструментов. В текущем году в одном из отделений Обсерватории (в Симензе) устанавливается громадный рефлектор (об'ектив 40 дюймов в диаметре, стоимостью около 130.000 руб.). Обсерватория прославилась своими фундаментальными наблюдениями, и по своему оборудованию и научным силам всегда на высоте самых строгих научных требований.

Постоянная Сейсмическая Комиссия существует только 25 лет, но за этот короткий срок ей удалось создать в России обширную сеть сейсмических станций (центральная станция в Пулкове), для изучения деформаций земли, испытываемых во время землетрясений [1]. Станции снабжены русскими приборами, изобретенными ак. Б. Б. Голицыным. Ценность и значение этих приборов для сейсмологии столь велика, что ими снабжены 12 иностранных сейсмических станций.

[1] Сейсмология — наука о землетрясениях.

Время и жизнь поставили перед Союзом ССР новые задачи — возрождение нашего народного хозяйства. В разрешении этих задач Академия приняла горячее участие — была создана Постоянная Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которая начала свою работу в 1919 году. Это первый опыт соединения широких кругов русских ученых для совместной организованной и важной работы. Результаты тотчас же схватываются жизнью и находят себе применение в русской платиновой промышленности (95% платины добывается в России), в извлечении радия из сырья, в добывании гелия и многих других разработках несметных богатств России и ее недр.

Краткий перечень сокровищ и достижений, добытых двухвековой беспрестанной научной работой Академии, лучше всяких слов говорят о важности и значении ее деятельности.

А если к этому еще добавить, что за весь период существования Академии Наук ею было издано свыше 18 тысяч отдельных названий книг [1], то станет понятно, что нынешний юбилей есть торжество в мировом масштабе.

Пройден тяжкий и тернистый путь...

Зарождались и гасли новые светила науки, оставляя после себя неизгладимый свет...

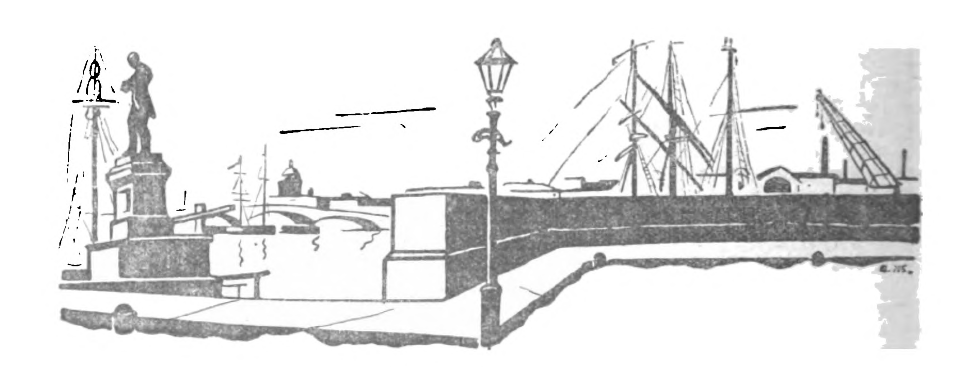
Многих нет, но железная когорта не ослабела — место убывшего замещалось новыми свежими силами. Их давала и дает все та же необ'ятная и беспредельная в своих возможностях Россия.

И теперь, когда жизнь ставит новые задачи, когда развертывается во всем своем могуществе энергия нации, Всесоюзная Академия Наук, на пороге нового столетия своего существования, может бодро смотреть вперед.

Л. А. Андреев.

---

[1]) И в лабораториях Академии произведены многочисленные научные исследования.

АМЕРИКА И ЕВРОПА

Начиная с заключительного периода империалистической войны, — старинный лозунг американской внешней политики „Америка для Америки“ [1] с каждым годом теряет свою силу и отходит в область истории. Богатый материк нового света оказался недостаточной сферой приложения для капиталов американских миллиардеров, и поиски за новыми рынками стали насущнейшей необходимостью для дальнейшего развития американского капитализма.

В предыдущей нашей статье «Америка» (см. «Красный журнал для всех») № 8 уже указывалось, что конец войны 1914 — 1918 г.г. знаменует в этом отношении начало резкого изменения американской экономики, открыв неожиданно перед Соединенными Штатами новые, неисчислимые возможности. Вступление самих Соединенных Штатов в войну уже само по себе необычайно расширило рынок сбыта для продуктов американской промышленности, так как к военным поставкам для одной из групп воюющих стран прибавились военные поставки для собственного правительства. Происшедшее таким образом внезапное расширение емкости мирового рынка пред'явило американской промышленности запросы, далеко превосходившие ее производственную способность. И в этот период мы явились свидетелями исключительного роста американской промышленности, небывало быстрого темпа расширения производственного аппарата. То же явление, как мы увидим ниже, по окончании войны сразу же понизившее требования мирового рынка, пред'являемые им к Америке, заставило американских промышленников с удвоенной энергией обратить свои взоры на Европу и Дальний Восток.

Но за время войны Соединенные Штаты, помимо необычайного обогащения путем вывоза своих товаров (что привело к накоплению в денежных мешках американских банкиров бо́льшую часть всего золотого запаса в мире), еще и превратились в величайшего международного кредитора. Раздав громадные суммы различным державам, в виде, так наз., военных займов, Соединенные Штаты и после войны не переставали кредитовать разоренную Европу, помещая свои капиталы в государственные, городские и частные коммерческие займы. Колоссальную цифру в 12 миллиардов долларов [1] составляют лишь военные или ближайшим образом с войной связанные долги различных государств Соединенным Штатам. Самым крупным должником из них является Великобритания. Однако, последняя, желая обеспечить свой кредит и в дальнейшем, — после соответствующих переговоров, обязалась уплатить Америке всю сумму своего военного долга, а также $3^1/_2$% в год на нее. Из остальных государств - должников аналогичные соглашения с Америкой заключили пока лишь Венгрия, Финляндия и Литва. Вопрос же о долгах Франции и Италии остается пока совершенно открытым. Эта огромная задолженность Европы Америке и является главнейшей причиной все увеличивающейся не только экономической, но и политической зависимости первой от последней.

Все чаще и чаще нью-йоркские банкиры начинают диктовать свою волю европейским политикам, пытаясь поставить весь мир на колени перед его величеством-долларом.

Проследив из года в год послевоенную внешнюю политику Соединенных Штатов, мы ясно увидим, как систематически расширяя сферу своего влияния и захватывая в щупальцы своего капитала истощенную Европу, Америка становится в позу «хозяина» всего мира.

Америка и план Дауэса

Порожденные войной, а в особенности грабительским Версальским миром, неразрешимые противоречия между европейскими державами до сих пор не дают возможности урегулировать правильные взаимоотношения между странами побежденными и победительницами. Оккупация французами Рура в начале 1923 г.,

[1] Этот лозунг основан на так называемой «доктрине» (т.-е., учении) Монроэ, проповедывавшего, что Америка не должна вмешиваться в европейские дела.

[1] Около 24 миллиардов золотых рублей.

якобы за невыполнение Германией репарационных обязательств, только осложнила международную обстановку, ухудшив экономическое положение Германии и не принеся существенных результатов оккупантам.

Тогда-то, воспользовавшись тяжелым положением Европы, заинтересованные в возможно быстром восстановлении экономической и финансовой жизни своей обанкротившейся должницы, американские капиталисты и решили вмешаться непосредственно в европейские дела, недвусмысленно предъявив свои грозные требования.

Опубликованный 10 апреля 1924 г. столь нашумевший план американского полковника[1] Чарльза Дауэса явился прямым результатом этого вмешательства банкиров Уолл-Стрита[2] в разрешение репарационного вопроса. Оставляя в стороне вопрос, насколько целесообразным оказался этот план для экономического возрождения самой Германии, мы должны, однако, признать, что для изобретателей этого плана последний представляется весьма выгодным. Сущность плана Дауэса заключается, главным образом, в том, что американским банкирам, в союзе с английскими капиталистами, удалось оттеснить с занимаемых до тех пор международных позиций французских капиталистов и захватить под свое влияние почти всю экономическую жизнь Германии. Так, согласно плану Дауэса, железнодорожные облигации, выпускаемые «реорганизуемыми»[3] германскими жел. дорогами на сумму в одиннадцать миллиардов марок, а также облигации, выпускаемые под залог германских промышленных предприятий, на сумму в 5 млрд. марок (всего на 26 миллиардов золотых марок) должны в конечном счете поступить на биржу и явиться источником новых доходов для международного финансового капитала. Репарационная комиссия будет располагать облигациями на сумму в 16 миллиардов золотых марок, которые тоже могут поступать на международный биржевой рынок. А так как американский финансовый капитал, как располагающий наибольшими возможностями, сможет скупить наибольшую долю репарационных облигаций, то ему удается, таким образом, наилучшим образом внедриться в основные отрасли хозяйственной жизни Германии — железные дороги и промышленность. Так, под покровом «гениального и высоко-гуманного» плана Дауэса (как выразился о нем американский посол в Лондоне, Келлог), обнаруживается перед нами во всей своей наготе хищническая империалистическая политика американской буржуазии, стремящейся превратить в свою колонию огромную часть центральной Европы.

«Аппетит приходит во время еды» — говорит французская поговорка. Так, урегулировав репарационный вопрос к полной своей выгоде, американские банкиры не замедлили на недавно состоявшейся международной финансовой конференции в Париже потребовать и своей доли репарационных платежей, поступающих по плану Дауэса якобы для покрытия расходов, произведенных ими в свое время на содержание оккупационной армии в размере 250 миллионов долларов и для возмещения убытков, понесенных и частными гражданами во время войны, в сумме 300 миллионов долларов. Английское правительство, однако, отказалось признать закономерность американских требований, мотивируя это тем, что Америка не признала Версальского договора и, следовательно, не имеет права пользоваться преимуществами, проистекающими от осуществления этого договора. Этот вопрос (впрочем, второстепенного характера) остается и по сей день открытым.

Америка и Франция

Франция до сих пор еще не приступила к уплате Америке своих военных долгов, которые исчисляются в сумме $3^{1}/_{2}$ миллиардов долларов; явная неплатежеспособность французской буржуазии заставляет ее правительство за последнее время часто отступать перед наступающим американским капиталистом и уступать ему в целом ряде международных вопросов. Между прочим, следует отметить, что американские банкиры держатся в этом вопросе о долгах Франции весьма решительно, не думая отказываться от следуемых им долгов. Так, сенатор Бора неоднократно заявлял публично, что Америка не думает уступить Франции ни одного франка не только из основной суммы долга, но и процентов.

Не говоря о плане Дауэса, выдвинувшим, как мы уже сказали, англо-американский блок и оттеснившего Францию в разрешении

---

[1] И эксперта по вопросам международных финансов.

[2] Улица в Нью-Йорке, на которой помещаются главные банки.

[3] Т. е. взятыми под контроль американцев.

репарационного вопроса,—вторым поражением, понесенным французской буржуазией от американских банкиров, следует считать лондонскую конференцию.

Основными вопросами последней были: вопрос о констатировании [1] выполнения Германией ее репарационных обязательств и вопрос о применении санкций [2]. Как по одному, так и по другому вопросу французы оказались побитыми. Так, право подтверждения невыполнения Германией ее репарационных обязательств не было предоставлено целиком репарационной комиссии, на чем настаивали французы, имея большинство в этой комиссии. Согласно постановлению конференции в случаях, когда репарационная комиссия принимает решения по вопросам, касающимся установления невыполнения Германией ее репарационных обязательств, в заседаниях комиссии должен принимать участие американский гражданин, который должен избираться на пятилетний срок. В случае же, если репарационной комиссией, заседающей с участием американца, не достигнуто единогласия, вопрос передается на окончательное решение особой арбитражной комиссии, председателем которой также должен быть американский гражданин. Таким образом, решение вопроса о невыполнении Германией ее репарационных обязательств отдано почти целиком в руки англо-американских представителей, которые смогут вести в этом вопросе нужную им политику. Что касается вопроса о применении санкций, то французы стремились сохранить право применения санкций за отдельными государствами, в то время как американцы и англичане, стремившиеся к охране интересов будущих держателей германских ценностей, не желали согласиться на это. **Этот вопрос также был решен в пользу англо-американских капиталистов.**

Возвращаясь к вопросу о долгах, следует упомянуть о проекте Эдуарда Харлея (члена комиссии консолидации [3] долгов), сводящемся к тому, что французский долг должен быть выплачен Америке в 65 или 67 лет, при предоставлении пятигодичного моратория [4], по истечении которого Франция будет выплачивать по 2% годовых, при чем % будет постепенно доходить до 4. В этом проекте существенным моментом является пункт, предусматривающий уплату половины французского долга промышленными облигациями, т.-е. выпускаемыми французскими ж. д., промышленными предприятиями и т. д.—Здесь мы обнаруживаем ту же попытку внедрения американского капитала во французскую экономику. Таким образом, этот с виду невинный пункт, скрывает в себе на самом деле далеко не невинную политику американских империалистов. Применение плана Дауэса не к одной Германии, а к Франции и Китаю,—вот лозунг сегодняшнего дня внешней политики американской буржуазии.

Америка и Англия

Сближение американского капитала с английским началось еще с Вашингтонской конференции в 1921—1922 г.г. Уничтожив после империалистической войны своего главного европейского соперника—Германию, армия лицом к лицу оказалась снова с еще более сильным врагом—заокеанской республикой, которая с каждым годом усиливала свою экономическую и военную мощь, распространяя свое влияние далеко на Запад и Восток. С другой стороны, политика зарвавшихся французских империалистов не мало беспокоила английскую буржуазию. Все это вместе и побудило англичан пойти на путь сближения с Америкой, ради которого они отказались даже от союза с Японией. (Срок англо-американского союза истекал как раз ко времени Вашингтонской конференции, и **Англия не возобновила его**). С другой стороны, для Америки разрыв англо-японского союза имел колоссальное значение, так как сильно ослаблял Японию, изолируя ее в случае будущих столкновений с заокеанской республикой.

В другом основном вопросе Вашингтонской конфеоеренции, о так называемом «ограничении морских вооружений», Америке удалось до некоторой степени провести свою союзницу. Так, согласно постановлению конференции, отношение тоннажа линейных флотов Америки, Японии, Франции и Италии установлено на будущее время что' таким образом, что по отношению одна к другой обе англо-саксонские державы являются равными по своей военно-морской мощи, в то время как до войны английский флот являлся сильнейшим в мире, следуя старой традиции,

[1] Подтверждение.
[2] Принудительные меры.
[3] Вернее — взыскание долгов.
[4] Отсрочки.

согласно которой английский флот должен равняться по силе об'единенным флотам двух сильнейших после Англии морских держав.

Так, осуществляя в настоящее время англо-американский блок, Соединенные Штаты готовят, однако, втихомолку могучий флот на случай столкновения со своей нынешней неоффициальной союзницей.

Америка--дирижер европейской политики

Прилив американских капиталов в Европу непрерывно продолжается со все увеличивающейся силою. Недавний заем Франции в сто миллионов долларов, предоставленный американским миллиардером Морганом для стабилизации [1] курса франка; бельгийский заем, предоставленный тем же Морганом в 30 миллионов долларов и вторичный заем в 50 миллионов долларов; беспрерывные кредиты — Швейцарии (30 милл. долларов); Голландии (40 милл.), Норвегии (25 миллионов) и т. д.; финансирование иностранных правительств и частных предприятий (в 1924 г. образован концерн «Amerikan and Continental Corporation» с основным капиталом в 25 миллионов долларов для финансирования промышленных предприятий в различных странах Европы; тогда же образован группой нью-йоркских банкиров специальный «Кредитный трест» с основным капиталом в 30 миллионов долларов, часть капиталов которого будет помещаться в иностранных ценных бумагах).

За неимением места, мы не перечисляем всех форм этой кипучей деятельности американского капитала в Европе, но и приведенные дают возможность сделать соответствующие выводы. Экономическое и финансовое закабаление Европы американским капиталом — на-лицо. А такое закабаление неизбежно ведет к все увеличивающемуся влиянию американцев и в вопросах европейской политики. Неофициальные представители американских банкиров, под видом пресловутых «наблюдателей», все чаще и чаще принимают участие на всех международных конференциях и с'ездах, — и английская и французская буржуазия молча и покорно принимает их постановления. Прежде чем принять какое-либо решение, английские Чемберлены [2] и французские Брианы [3] благоразумно запрашивают хозяев из «Белого Дома» [1]. Судьбы старой Европы с каждым годом все больше переходят в руки «здоровой» и сильной американской буржуазии, которая за последнее время с особой силой устремляет свои империалистические аппетиты **на Дальний и Ближний Восток для того, чтобы и там захватить последние рынки европейского капитала.**

Америка и СССР

Для американского капитала в его неудержимом стремлении к захвату новых богатых рынков Союз Советских Республик, без сомнения, представился бы весьма выгодной сферой приложения. Конечно, американские капиталисты с большим удовольствием «дауэсизировали» бы богатые советские республики, превратив их в свою колонию. Но, если это удалось проделать американским капиталистам с буржуазной Германией, то для закабаления Союза Социалистических Советских Республик руки американских банкиров оказались слишком короткими. Однако, экономическое и финансовое восстановление хозяйства СССР заставят, наверное, американскую буржуазию, как и европейскую буржуазию, пойти на мировую. Это видно по той борьбе между противниками и сторонниками признания СССР, которая, начиная с декабря 1923 г., усиленно ведется в самой Америке. Сенатор Бора, сменивший умершего председателя сенатской комиссии по иностранным делам Лоджа, — тот самый, который беспощадно требует уплаты долгов от Франции, — ведет в этом вопросе самую усиленную кампанию, все расширяя круг сторонников признания. 1924 г., несмотря на отсутствие дипломатических сношений между обеими странами, ознаменовался возобновлением торговых сношений в размере, почти не уступающем довоенному обороту между Россией и Америкой. Закупки в Америке хлопка на много миллионов долларов Всероссийским Текстильным Синдикатом, образование общества «Торговая Корпорация Амторг», имеющая целью развить торговлю СССР с Америкой, — все эти факты не могут не оказать соответствующего влияния на настроение промышленных и финансовых американских кругов в вопросе о восстановлении нормальных отношений с СССР.

Ан. Гольдфарб.

---

[1] Упрочение.
[2] Американско-Континентальное Товарищество.
[3] Министры иностранных дел.

[1] Дом, в котором живет американский президент.

Искусственный каучук

„Та страна, которая превысит другие нации в знании химии, займет в будущем первое место и по богатству и по общему народному благосостоянию".

Рамзай.

Кто сейчас не знаком с каучуковыми и резиновыми изделиями?! Они так тесно вошли в нашу жизнь, что, кажется, каждый возраст, каждая научная дисциплина, каждое техническое приспособление не могут обойтись без каучука.

В детстве мы знакомимся с каучуком, играя резиновыми игрушками; в лабораториях высшей школы трудно мыслить работу без каучуковой трубки, или без каучукового герметического, т.-е. непропускающего воздух, затвора; доктору, хирургу необходима клеенка и резиновые перчатки; а прорезиненная ткань для воздушных шаров и для водолазов, а изолировочный материал для проводки электричества, калоши, прорезиненные пальто и, главным образом, велосипедные, экипажные и автомобильные шины — все это и множество других мелких предметов изготовляются из каучука. Кажется невероятным то время, когда мы обходились без него, а между тем более или менее широкое использование каучука начинается только с прошлого столетия.

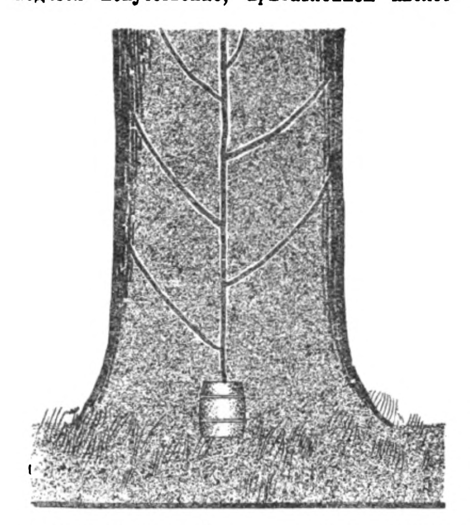
Слово каучук ведет свое начало от слова cahuchu „Слезы дерева": так называли дикари Южной Америки эластичный продукт, добываемый ими из сока тропических деревьев. Из Америки же и был привезен каучук в Европу в XVII веке, в конце которого впервые каучук был применен, по предложению химика Пристлея, к стиранию карандаша и чернил. Только около 1825 года англичанин Макинтош нашел дешевый и удобный растворитель для каучука — бензин и изобрел прорезиненные непромокаемые пальто, носящие и до сих пор его имя. Но все же каучук еще имел много недостатков и оставался липким и, сравнительно с современным, мало эластичным веществом. Только позднее, после изобретения так называемой „вулканизации" каучука, т.-е. обработки ее серой, он проявил свойственные ему драгоценные качества. С этого момента начинается систематическое изучение свойств каучука и применение его в самых разнообразных случаях.

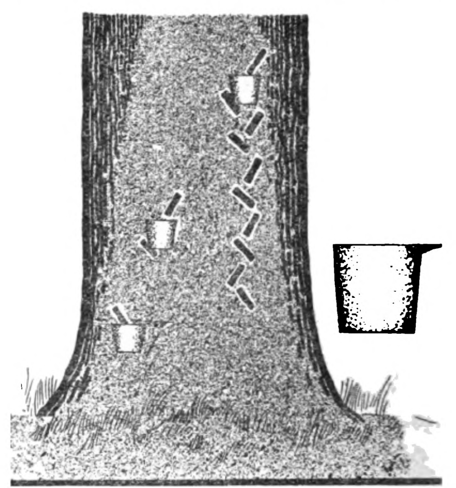
Что же, собственно, представляет из себя каучук? В детстве, вероятно, каждый из нас срывал желтые цветы одуванчика и пачкал руки и платье белым липким соком, так называемым „млечным соком" растения. Вот в таком же млечном соке тропических деревьев и содержится каучук. Он находится в виде микроскопических шариков, плавающих в растворе минеральных и органических веществ, находящихся в соке растений. С этим раствором капельки каучука образуют белую эмульсию — жидкость, напоминающую обыкновенное молоко.

Далеко не все тропические деревья содержат в своем млечном соке каучук; только несколько растительных семейств эксплуатируются сейчас для добывания этого драгоценного вещества. Они располагаются не далее 30 географических градусов на север и 30 градусов на юг от экватора. Каждый географический градус имеет около 105 верст, и, если умножить 105 верст на 50, то получится пояс, приблизительно в 6.000 верст шириною, охватывающий весь земной шар, на котором способны произрастать каучуковые деревья. В данное время имеются плантации в Индии, в Голландской Ост-Индии, на Цейлоне и на Яве, Суматре и Борнео—островах, находящихся между Азией и Австралией.

Вначале при эксплуатации каучука, когда в тропиках произрастали целые леса громадных каучуковых деревьев, их варварски истребляли, каждый раз срубая дерево для собирания сока и затем бросая его. Сейчас одно и то же дерево служит много лет; добывание сока производится очень просто, т.-к. млечный сок, находясь во внешнем слое коры, обильно вытекает при всяком ее порезе. Существуют различные приемы подрезов, или, как говорят, „подсочки" дерева. Два из них изображены на рисунках. Под порезами прикрепляются особые деревянные ведерки с шипом, которым они и вкалываются в дерево. Сок собирается в ведерки и при продолжительном стоянии на воздухе сверты-

вается, как свертывается в творог молоко, только творог опускается на дно сосуда, а сгустившийся комковатый слой каучука поднимается наверх и плавает на поверхности жидкости. Иногда свертывание производится искусственно, прибавлением кислот

или некоторых солей, а в других местностях млечному соку дают свободно стекать с порезов на разложенные под деревом крупные листья. На них сок и сгущается в течение нескольких дней; затем собирается с листьев вместе с нападавшими насекомыми, кусками коры и разным сором, так что каучук получается плохого качества. Вообще, чем чище и однороднее каучук, тем лучшими свойствами он обладает.

Не всегда каучук отделяется от растительного сока свертыванием; лучшие сорта каучака получаются при подсушивании млечного сока. В Африке это подсушивание производится иногда очень странно и забавно. Негры обмазывают все свое тело млечным соком, сгустившимся несколько от жары, и весело танцуют до полного изнеможения. Под влиянием солнечной теплоты и теплоты тела сок быстро засыхает и твердеет, и негры, придя домой с вечеринки, сдирают с себя лоскутки подсохшего каучука.

В Америке лучшие сорта каучука получают, высушивая и прокаливая млечный сок на жаровнях. Маленькая деревянная лопаточка опускается в ведерко с млечным соком и затем, при быстром поворачивании, держится над дымом жаровни до полного высыхания маленькой пленки, приблизительно в волосок толщиною. Затем обмакивают лопаточку в сок и снова коптят и сушат, и так до получения, так называемого, каучукового «бисквита», килограммов в 5—6 весом. Бисквит снимают с лопатки и окончательно просушивают на солнце.

Получающийся свежий каучук обладает многими нежелательными свойствами — он липок и сравнительно мало эластичен. После его вулканизации, он приобретает гораздо бо́льшую эластичность, бо́льшую стойкость по отношению к разным реактивам и теряет свою липкость. При нагревании до 115° Ц. каучук становится настолько мягким, что ему можно придать любую форму; при охлаждении он сохраняет приданную ему форму и получает прежнюю свою эластичность; таким образом и изготовляются резиновые предметы.

Вулканизация, т. е. химическое соединение каучука с серой, обыкновенно производится нагреванием смеси каучука с серой в герметически закрытых железных котлах до температуры в 115 — 120°.

Прежде чем перейти к обсуждению необходимости, особенно для СССР, получения искусственного каучука, покажем рост его потребления за последнее столетие.

Потребление каучука в Англии.

1830 год	24.000	тонн (тонна = 60 пудам)
1840 „	339.000	„
1850 „	888.000	„
1860 „	3.000.000	„
1870 „	7.756.000	„
1890 „	11.013.000	„
1919 „	33.000.000	„

Это огромное количество каучука, все растущее с каждым годом и поглощаемое только одной из европейских стран, показывает, что сбыт любому количеству каучука обеспечен, тем более, что с понижением цен на него будет расти потребность в нем и будут изыскиваться все новые и новые пути его использования. Маленькой иллюстрацией к моим словам послужит картина роста производства резиновых шин. До войны 1914 года пользование автомобилями, а тем самым и автомобильными шинами приходится почти всецело на людей богатых, пользующихся автомобилем только как способом скорого, удобного и приятного передвижения; перевозка грузов при помощи автомобилей развивалась сравнительно медленно. Война совершенно изменила картину; она обратила внимание на драгоценное свойство автомобиля, как перевозчика грузов и войск. Можно сказать, что Верден был защищен и битвы при Сомме были выиграны благодаря блестящей постановке автомобильного дела во Франции. В этих битвах в работу были пущены около 40.000 автомобилей, следующих друг за другом иногда с промежутками только в 4 секунды. Несмотря на такое почти непрерывное движение, не было ни одного случая нарушения его правильности.

Еще до войны вся годовая добыча каучука быстро распределялась между потребителями, и к концу года на всемирном рынке не оставалось никаких запасов. Россия не владела ни одной плантацией каучука; весь потребляемый каучук покупался за границей, и поэтому в данное время, при стесненном обмене товарами, мы должны искать способов производства искусственного каучука. Химия разрешила очень трудные задачи — получение азотной кислоты из воздуха, взрывчатых веществ из нефти, — надо надеяться, что она справится и с этим вопросом. Нужда — наилучший учитель; вспомним, как во время блокады Франции Англией, Наполеон приказал найти и культивировать растения, могущие заменить сахарный тростник в сахарном производстве. Благодаря этой временной нужде, Европа имеет свой сахар из свекловицы.

Еще до войны 1914 года старались заменить дорогой каучук какими-нибудь суррогатами. Наиболее распространенными являются «фактисы», т.-е. вулканизированное растительное масло или ворвань и регенерированный — возобновленный каучук. Изношенные резиновые предметы должны быть своевременно очищены от примесей и, главным образом, от серы, чтобы дать хороший каучук. Но такая регенерация не достигает вполне цели и получающийся каучук не играет роли самостоятельного продукта: он добавляется только в качестве удешевляющих примесей к чистому природному каучуку не в слишком больших количествах, чтобы не уничтожить его драгоценных свойств. Чрезвычайно ценно было бы получить не суррогаты, т.-е. подделки, а настоящий, тождественный природному, каучук искусственным лабораторным путем.

Для того, чтобы приготовить какое-нибудь вещество, надо знать строение его молекулы, но чтобы понять строение молекулы каучука, необходимо сделать маленькую экскурсию в область органической химии, занимающейся соединениями углерода. Углерод, изображаемый символом C, есть необходимый элемент каждой растительной или животной клетки. Ранее ученые предполагали, что органические вещества получаются лишь под влиянием особой „жизненной силы“, но после того как в 1828 г. химику Велеру удалось получить лабораторным путем мочевину — продукт распада белковых веществ, вера в жизненную силу поколебалась, а в настоящее время десятки тысяч органических соединений получаются искусственным путем.

При пирогенетическом (под влиянием жара) разложении каучука получаются три вещества: бутадиен, изопрен и ди-метил-бутадиен.

В настоящее время перед химиками и возникает задача: изыскать способы наидешевейшего получения этих трех исходных веществ.

Когда еще в прошлом столетии спрос на каучук с каждым годом неимоверно воз-

растал, предприимчивые капиталисты засадили громадные пространства земли, в соответствующем климате, каучуковыми деревьями и в

1900 г. было получ. 4 т. плант. кауч. на 53.896 тонны дикого кауч.

1910 „ „ „ на 8.200 т. пл. кауч. пр. 2.000 „

1920 „ „ „ 330.000 т. „ „ „ 35.000 „

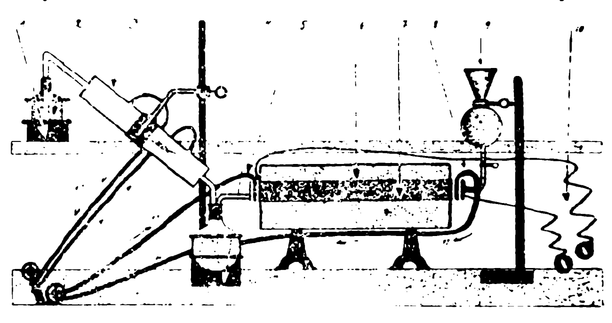
1921 „ „ „ 420.000 т. „ „ „ 35.000 „

При этом цена на каучук упала с 155 р. за пуд в 1910 году до 12 р. за пуд в 1921 г.

Отсюда следует, что и искусственный каучук не должен быть дороже 10—12 рублей за пуд, хотя надо оговориться, что в данное время в Москву пуд заграничного каучука доставляется приблизительно за 20—25 руб.

Около 1910 года начинается лихорадочная работа химиков всего света по изысканию способов дешевого получения бутадиена, изопрена и ди-метил-бутадиена. Лабораторным путем эти вещества можно получить при помощи разнообразных процессов и из различных исходных веществ, но все эти методы не имеют технического применения, так как все они слишком дороги.

Разберем несколько попыток получения изопрена, бутадиена и ди-метил-бутадиена. Из старых методов получения изопрена для нас особенно интересно пирогенетическое разложение скипидара. СССР особенно богат лесами, и остающиеся от вырубки лесов пни могли бы служить источником канифоли и скипидара. Удовлетворяя спрос на канифоль, идущую во многие производства, можно получить многие миллионы пудов скипидара, как побочного продукта. Крупным недостатком скипидарного способа получения изопрена является сильное загрязнение изопрена различными примесями, чрезвычайно понижающими качество изопренового каучука. Очищение изопрена является трудной и важной технической задачей. Пока, один только материал для получения пуда изопренового каучука из скипидара обходится в 30—40 р. Те же недостатки можно указать и при получении изопрена из сивушных масл, или амиловых спиртов, получающихся как побочный продукт при спиртовом производстве. Чтобы дать представление о трудности получения изопрена, хотя бы из амиловых спиртов, я перечислю все операции, которые надо произвести, чтобы получить изопрен. Амиловые спирты превращают в амилены при помощи катализаторов при высокой температуре, с чрезвычайными предосторожностями, так как получаемые амилены кипят при 21—30° Ц; значит в теплой комнате тотчас же улетят

1—чашка с охладительной смесью. 2—приемник амиленов. 3—холодильник. 4—чашка с охладит. смесью. 5—охладители трубы. 6—электрическая печь. 7—насыпанный катализатор. 8—охладит. трубы. 9—воронка, в которую наливают амиловые спирты. 10—реостат.

К тому же надо отметить, что для их образования необходима температура в 400—500°. Как же тщательно надо охлаждать их раскаленные пары, чтобы не утерять целиком. Обратим внимание еще, что и точная температура этой реакции и выбор катализатора служили предметом долгих изысканий ученых. Вот прибор, в котором идет эта реакция.

Полученные амилены обрабатываются хлором, затем у них отнимается этот хлор, но уже вместе с водородом довольно трудным процессом с помощью катализатора и при нагревании; далее полученный продукт обрабатывается бромом и затем щелочью и тогда только получается чистый изопрен. Целый ряд операций для получения только исходного вещества — искусственного каучука. Остается только полимеризовать изопрен, т.-е. заста-

вить его частицы соединиться с образованием очень сложной молекулы каучукоподобного вещества. Полимеризация уже не вызывает затруднений; иногда она идет даже при обыкновенной температуре.

Отметим еще, что в каждом отдельном процессе не все исходное вещество обращается в тот продукт, который нам необходим, а иногда только 15—20%, так что с каждой реакцией вещества становится все менее и менее; отсюда понятна сравнительно высокая стоимость изопренового каучука.

Получение бутадиена еще более сложно, а тем самым и дорого, хотя исходным материалом может служить такой дешевый продукт, как спирт.

Исходный материал для ди-метил-бутадиена находится в продуктах сухой перегонки дерева, а так как мы очень богаты липами, то этот способ может иметь свое значение для СССР.

Скажем несколько слов о сухой перегонке дерева. Сухой перегонкой называется нагревание до высокой температуры без доступа воздуха. При этом дерево разлагается на газообразные и смесь жидких продуктов; последние разделяются на два слоя: водяная жидкость и деготь. Вот в этой-то водяной жидкости и находится в количестве всего 1/2 проц. ацетон, служащий исходным материалом для получения ди-метил-бутадиена. Это незначительное количество в 1/2 процента может быть достаточно для выгодного производства каучука, так как и все остальные вещества, получающиеся при сухой перегонке дерева, идут в дело и даже гораздо более ценны, чем ацетон, который является побочным продуктом при красочном, лекарственном и дезинфекционном производствах.

Все эти способы дают различные каучуки. стоимостью от 30 до 50 рублей за пуд сырья и поэтому не достигают своей цели — заменить природный каучук, но прежде чем говорить о новом пути, на который встали в самое последнее время изыскания способа получения наидешевейшего искусственного каучука, нам надо познакомиться с драгоценным веществом, которое в не столь отдаленном времени расходовалось лишь как дешевое топливо, а теперь начинает служить источником все новых и новых драгоценных для человечества веществ. Мы говорили о нефти, известной еще в глубокой древности.

Нефть представляет из себя маслянистую жидкость буровато-зеленоватого цвета. О происхождении ее в недрах земли, существует несколько гипотез, которые можно разделить на два класса: гипотеза о происхождении нефти из неорганических веществ и гипотеза о происхождении нефти из остатков растительного или животного мира. Первая гипотеза принадлежит нашему великому Д. И. Менделееву, который предполагал, что в недрах земли находятся громадные количества углеродистого железа, или, как его называют, карбида железа. Когда земля находилась еще в газообразном состоянии, то одним из первых элементов, сгущающихся в жидкое состояние, должны были быть железо и углерод; при этом возможно было их взаимосоединение. Такое соединение железа с углеродом имеется в стали и в чугуне. Если же обрабатывать чугун под большим давлением слабыми кислотами или соленой водой, то получается смесь газообразных, жидких и твердых веществ, по виду и химическому составу чрезвычайно напоминающих нефть. Этот опыт подтверждает гипотезу получения нефти из углеродистого железа земного ядра и соленой воды. Когда земля постепенно охлаждалась, то от ее сжатия в земной коре происходили складки и трещины, в которые могла просачиваться вода как соседнего моря, так и дождевая с гор. Эта вода и ранее и теперь проникает до накаленного углеродистого железа и разлагается, выделяя водород. Водород в момент своего образования, соединяется с углеродом, а кислород воды — с железом и получается железная окалина и углеводороды. Некоторые из углеводородов газообразны, некоторые жидки. При взаимодействии твердых карбидов железа (занимающих, сравнительно с газообразными веществами, очень малый об'ем) и воды получалось много газообразных продуктов и паров воды, и развивалось громадное давление. Благодаря этому давлению и давлению выше лежащих пластов и под влиянием высокой температуры земного ядра и различных катализаторов, эти углеводы видоизменялись, уплотнялись, соединялись друг с другом и в конечном результате дали различные виды нефти.

При этой гипотезе запасы нефти на земном шаре все время могут пополняться и их практически можно считать неисчерпаемыми, но против этой гипотезы существуют важные возражения — трудно представить себе, что трещины в земной коре могут дойти до желе-

зосодержащего земного ядра, или, если они и доходят до расплавленных пород, то почему при этом не происходит вулканического извержения; к тому же в Альпах известны глубокие трещины, но не известно ни одного месторождения нефти. На основании этих возражений, большинство геологов, т.-е. ученых, изучающих строение земли, приходят к заключению, что источники нефти органического происхождения; нефть образуется при разложении животных остатков и, особенно жировых их тканей. Массовые скопления погибшего морского животного мира покрывались слоем ила, песка и других осадков, так что трупы закрывались мощным слоем пластов. Трупы гнили при повышенном давлении, высокой температуре и под влиянием различных катализаторов. В малом масштабе подобные опыты ставились в лабораториях и действительно получалось в конце концов вещество, сходное с нефтью. Но благодаря каким условиям или катастрофам могла происходить такая массовая гибель животных?

На этот вопрос один из приверженцев животного происхождения нефти отвечает: „наступило такое внезапное изменение условий, что фауна (животный мир) не успела ни приспособиться к ним, ни переселиться своевременно". Например, если в пресноводный бассейн проникает внезапно морская вода, то вся жизнь в нем погибает. Такой случай наблюдался в Норвегии, когда при страшном урагане морская вода прорвала узкий перешеек земли и ворвалась в пресноводный бассейн. У нас постоянно происходит такая же массовая гибель морской фауны в Карабугазском заливе Каспийского моря вследствие быстрого испарения воды. На берегу и на дне залива скопляются животные остатки, покрываемые осадочными горными породами, наносимыми сюда течением. Процесс этот из года в год идет и, таким образом, создаются благоприятные условия для образования нефти. Исходным материалом для нефти могут служить и колонии моллюсков, погребенные под глинистым илом, нанесенным бурными потоками с горных вершин. Исследователи кубанской нефти заметили, что она всегда сопровождается соленой водой и выходит из раковистых залежей. При вскрытии створок раковин в них находят нефтеобразную жидкость с остатками неразложившихся моллюсков.

Правильная разработка нефти началась в России во второй половине XIX века. Ранее ее черпали из колодцев и выливали в каменные ямы, откуда и развозили по городам в кожаных мешках. Сейчас нефть добывается при помощи буровых скважин; в них вставляются железные трубы, по которым нефть и поднимается на поверхность земли. Глубина буровых скважин бывает иногда свыше 400 сажен; отсюда понятна высокая стоимость бурения — каждая скважина обходится в несколько сот тысяч рублей, и несмотря на это, уже в 1910 году на Кавказе было свыше 2.000 буровых скважин. Когда бурение доходит до нефтяного пласта, газы, сопровождающие нефть, находят выход в буровую скважину и вырываются в нее, увлекая за собой и жидкую нефть. Иногда газов в нефти растворено такое большое количество и она находится поэтому под таким давлением, что при внезапном падении этого давления после бурения, нефть вылетает из скважин могучим фонтаном и, ломая трубы, вышки, растекается по нижележащим местностям, образует целые озера. Один фонтан, вырвавшийся в 1886 г., давая до 300.000 п. в час. Конечно, действие таких фонтанов непродолжительно: иногда — несколько дней, а иногда — всего несколько часов. После этого нефть приходится черпать ведрами при помощи особого механического устройства. Иногда фонтаны действуют периодически, как один известный источник нефти в Америке действует каждые полчаса. Сначала слышится подземный гул, на поверхность всплывают громадные пузыри газа, затем внезапно извергается фонтан нефти и через несколько минут снова воцаряется полная тишина и спокойствие.

В середине прошлого столетия нефтью пользовались только как дешевым и удобным топливом. При этом целиком сгорало и пропадало для человечества громадное количество полезных составных элементов ее. Постепенно ознакамливались со свойствами нефти и научались все более и более полно использовать ее.

Вторым этапом в истории нефти были попытки разделять ее нагреванием на отдельные фракции или части и находить им различные применения. Таким путем получили светильный газ, бензин, керосин, парафин, смазочные масла и только остатки от этих веществ шли под топку. Далее оказалось,

что и им можно найти более ценное применение. Война и недостаток селитры для получения взрывчатых веществ заставили обратить внимание исследователей на нефть, имеющуюся у нас в изобилии. Уже в 1915 г. химики получили из нефти толуол, исходный материал для взрывчатых веществ громадной силы, и в том же году было основано несколько заводов для его получения.

Теперь, когда изолированное положение СССР заставляет его обращаться к собственным богатствам страны и в них находить исходные вещества для недостающих материалов, внимание химиков снова обратилось на нефть. Она далеко не раскрыла всех своих тайн и должна быть предметом долгого и тщательного изучения.

Исследования ученых в их попытках найти дешевый искусственный каучук идут сейчас по трем направлениям: во-первых, собирается фракция бензина, кипящая при 81% и дающая при соответствующих обработках бутадиен и этилен; из бутадиена, при полимеризации получается каучук, а из этилена — эбонит, идущий сейчас на многие поделки. Если бы удалось усовершенствовать этот способ настолько, чтобы он давал на 2 пуда бензина пуд этилена и бутадиена, то сырье, необходимое для их получения, стоило бы 8—10 руб.

При втором способе пользуются отбросами при нефтебензольном и блау-газовом производствах — амиленами, теми амиленами, которые получались с таким трудом лабораторным путем и из которых приготовлялся затем изопрен.

Третий способ является самым дешевым; он заключается в пирогенезации нефти, т.-е. разложении жаром наименее ценных ее фракций; при этом, вместе с каучуковыми производными, бутадиеном и изопреном, получается до 50% ценных веществ. Отбросы идут на топливо при этом же производстве. Затруднение заключается в том, что у нас нет в данное время сбыта или применения всем этим полезным продуктам.

При получении этим способом 900.000 пуд. каучука (15.000 тонн — годовая потребность нашей страны) получится одновременно 6.000.000 пудов светильного газа и 3.500.000 пудов бензола, толуола и ксилола. Светильного газа в Москве в 1914 г. требовалось всего 1.100.000 пудов, а бензола, толуола и ксилола, дающих взрывчатые вещества, в 1916 году (год войны), пошло всего 500.000 пудов. И перед химиками встала задача направить реакцию пирогенизации нефти таким образом, чтобы получалось более каучуковых углеводородов за счет всех остальных, менее желательных веществ, или найти применение последним.

Если выход каучука довести до 6% и найти сбыт всем сополучающимся веществам, то цена пуда сырья для каучука и топливо на его производство будет стоить всего 1 р. 50 к. — 2 рубля.

Конечно, при такой стоимости искусственного каучука, никакой плантационный каучук не сможет с ним соперничать, но для того, чтобы добиться такой стоимости, необходимо тщательно изучить нефть и те методы, которые смогут менее ценные ее составные элементы превратить в материалы, имеющие первенствующее значение для культуры человечества.

Е. Филоненко.

Электротехника и электротравма

Существует маленькая английская детская книжка: «Приключения Алисы в стране чудес». В этой книжке чрезвычайно остроумно описаны переживания маленькой девочки, перенесенной, конечно во сне, в страну чудес. И вот в положении маленькой Алисы чувствует себя и взрослый человек, уже на яву, когда он попадает в страну чудес электротехники. Я лично вспомнил об Алисе осенью 1921 года в Москве, когда я принимал участие в VIII Всероссийском Электротехническом С'езде, когда передо мною на протяжении нескольких дней широко развертывалась поражающая и захватывающая картина чудесных применений электричества буквально во всех сферах человеческой деятельности и человеческой жизни. Только тогда я вполне понял, как, в пророческом предвидении роли и значения электрической энергии, творец Фауста, этот великий поэт

и великий естествоиспытатель, прекрасно и проникновенно назвал электричество мировой душой (die Weltseele).

Но если мы оторвем наши взоры от яркой и блестящей картины конечных эффектов применения электричества, если мы заглянем в мастерскую электричества, туда, где вырабатывается эта могучая сила, то нам бросится в глаза молчаливое, но в своем молчании жутко красноречивое, изображение одного давно известного и всем понятного символа. Этот символ — череп с двумя скрещенными костями — символ смерти. Этот символ предостерегает нас, говорит нам, что работа здесь производится под знаком смертельной опасности. Осветить эту сторону вопроса мы и имеем в виду. Мы намерены «кристалл красы чудесной», переливающийся всеми цветами спектра и носящий гордое название современной электротехники, повернуть к читателю той его гранью, которая всегда находится в тени. На этой грани мы и прочтем: опасность от электрического тока — электротравма.

Если знакомство человека с электричеством, как силой высоко полезной для него, произошло сравнительно недавно, то знакомство его с электричеством, как с агентом повреждающим, произошло как только наша планета стала обитаема человеком. Оно произошло при поражающей воображение обстановке величественного и красивого явления природы — грозы. Первая гроза, разразившаяся над первобытным человеком, с ее громом и молнией, была первой электрической искрой, первым электрическим разрядом, которые мог наблюдать человек. Первобытное человечество видело в грозе не столько естественное, сколько сверх'естественное явление, карающее человека действие разгневанного божества.

Лишь в XVIII веке стали научно наблюдать и изучать атмосферное электричество; возникла особая научная дисциплина — электрометеорология. Из метеорологии — науки о свойствах и явлениях окружающей нас атмосферы (давление воздуха, температура воздуха, ветры, бури и т. д.)—было выделено особо изучение воздушного электричества. Изучение это, блестяще начатое знаменитым американским государственным деятелем и ученым Вениамином Франклином, уже на первых порах стоило жизни одному русскому выдающемуся ученому—петербургскому академику Вильгельму Рихману, в 1753 году. Желая непосредственно исследовать электрическую природу грозы, Рихман прервал ход молнии по громоотводу. Из места перерыва сверкнула громадная искра в виде огненного шара (так называемая шаровая молния) и ударила в голову ученого, убив его на месте, к великому ужасу случайно присутствовавшего гравера Соколова.

Рядом с этим шло изучение электрической энергии, добываемой исскуственным путем, и широкое применение электричества для технических целей. Во второй половине XIX столетия, а именно в январе 1867 года, Вернер Сименс представил Королевской Академии Наук в Берлине доклад о принципе динамо-электрических машин и тем самым разрешил основной вопрос о превращении теплоты и механической энергии в электрическую энергию с непрерывной выработкой последней в больших количествах. С этого момента благодаря динамо-машине электрическая энергия стала широко применяться для технических целей. Наступил поистине век электричества, и электротехника совершила победоносное шествие по всему лицу земного шара, преображая всю нашу жизнь. Помимо того внешнего комфорта, который нам доставляет электричество, хотя бы в виде прекрасного освещения всех помещений, где протекает наша жизнь и работа, помимо удобства передвижения, электрическая энергия предоставила нам возможность непосредственного устного общения друг с другом через расстояния в сотни верст.

Но на созданном благодаря электричеству ярком и блестящем фоне небывалого прогресса техники и сказочного комфорта жизни мы замечаем темные, жуткие места, зависящие от той же электрической энергии. Являясь в своих многообразных применениях почти во всех областях человеческой деятельности силой высоко полезной, электричество вместе с тем таит в себе большую опасность для человека и может легко принимать характер силы, повреждающей наш организм, может даже стать источником быстро наступающей смерти.

Говоря об электрической травме т.-е. о повреждениях от электрического тока, прежде всего необходимо указать, что, в отличие от всех остальных повреждающих наше тело внешних агентов, из которых каждый вызы-

вает вполне для него определенные, однородные по своему характеру повреждения, электрическая энергия дает нам целый ряд весьма разнообразных и разнородных по характеру повреждений и болезненных расстройств. Это об'ясняется комбинированным действием электрического тока при проникновении его в животное тело.

Действие электрического тока на наше тело, биологический эффект электричества слагается из ряда воздействий. Этими слагаемыми являются прежде всего механическое и термическое (тепловое) воздействие. Последнее сказывается либо в направлении от поверхности нашего тела вглубь тканей, вызывая ожоги или обожженные раны при посредстве проводов и тех частей, соприкосновение с которыми обусловило вхождение тока в организм, либо в обратном направлении благодаря быстрому повышению температуры в тканях нашего тела, как во всяком проводнике (Джоулево тепло).

Третье слагаемое — это химическое или электролитическое воздействие, обусловливающее изменения в химическом составе проводника и соприкасающихся с ним тел.

Наконец, последнее слагаемое — специфическо-электрическое воздействие тока преимущественно на нервную систему и притом на центральные ее органы: головной и спинной мозг.

В каждом отдельном случае может выступать на первый план то или иное воздействие.

В виду такой сложности воздействий электрического тока мы будем иметь с одной стороны целый ряд местных повреждений и болезненных расстройств, с другой — заболевания, захватывающие весь организм, как реакцию организма в целом на вхождение и прохождение через наше тело электрического тока.

Но прежде чем мы познакомимся со всеми этими повреждениями и болезненными расстройствами, которые в своей совокупности составляют электротравму, мы должны рассмотреть те условия, при которых электрический ток переходит в организм человека.

Оставляя в стороне действие электрического тока на расстоянии, как исключительные случаи применения токов очень высокого напряжения (свыше 10 000 вольт), мы первым долгом должны подчеркнуть, что необходимым условием проникновения в наше тело электрической энергии является соприкосновение части тела с какою-либо принадлежностью электрической установки, является т. н. контакт. Другими словами без контакта нет электротравмы.

Как при всякой травме, и здесь играют первенствующую роль два момента, из которых один лежит в действующем вредно на организм электрическом токе, а другой — в самом организме. Первый обусловливается качеством тока, второй — сопротивлением организма. Качество тока определяется двумя факторами: напряжением тока и силой тока.

В то время, как для технического эффекта оба эти фактора имеют одинаковое значение, по отношению к биологическому действию дело обстоит несколько иначе. Иллюстрируем это примером. Предположим, что мы имеем два тока: напряжение I тока равно 100 вольт, а сила — 10 ампер; напряжение II тока — 1.000 вольт, а сила — 2 ампер. Количество уатт выразится в том и другом случае одной и той же величиной, равной 1.000; технический эффект в обоих случаях совершенно одинаков, и механическая работа равняется приблизительно $1^1/_3$ лошадиной силы. Биологический эффект в том и другом случае совершенно различен. Контакт с током в 100 вольт может пройти совершенно безнаказанно, контакт же с током в 1.000 вольт может стоить жизни. Мы видим, следовательно, что из двух факторов, определяющих качество тока, для биологического эффекта гораздо большее, почти решающее значение имеет напряжение тока. Это вывели из печального опыта электрической травмы. Но это обстоятельство находит свое об'яснение, если вдуматься в разницу между напряжением тока и силой тока и если, с другой стороны, принять при этом в расчет моментальность, мгновенность действия электрического тока при электротравме.

Если мы теперь подойдем к вопросу, с какой величины напряжения ток становится опасным для человека, то мы встречаемся здесь с резкими индивидуальными различиями. Вообще же за порог опасности принимают напряжение в 200 вольт. Токи с напряжением ниже 200 вольт не угрожают жизни, токи от 200 до 500 вольт напряжения опасны для жизни, а токи свыше 500 вольт обычно вызывают смерть. Но, как мы уже

указывали, это является правилом, допускающим частые исключения как в ту, так и в другую сторону. Известны случаи смерти от тока в 95 вольт, а также случаи благополучного исхода при контакте с током в 4.000 вольт. Мне самому пришлось несколько лет тому назад наблюдать случай, где контакт с током в 600 вольт вызвал помимо довольно значительных местных повреждений лишь кратковременную потерю сознания и явления слабого травматического невроза, скоро исчезнувшие.

Что касается характера тока в смысле его направления, то токи переменные представляются более опасными, нежели постоянные—это нам показывает клиническое наблюдение и физиологический опыт, но точного и безупречного об'яснения этого крайне интересного явления мы пока еще не имеем.

Познакомившись с значением качества тока и его характера для электротравмы, обратимся к нашему организму и тому сопротивлению, которое он оказывает току. Мы имеем здесь в виду специфическое сопротивление, единицею измерения которого служит *ом*.

С точки зрения электропроводимости наше тело занимает место среди проводников второго порядка.

Электрический ток встречает при проникновении в организм прежде всего кожу, которая и здесь, как и при остальных травмах, принимает на себя роль защитительного покрова. Выполнению этой роли крайне способствует то обстоятельство, что из всех тканей нашего тела кожа обладает наибольшим сопротивлением.

Сопротивление кожного покрова не представляет собой, конечно, постоянной величины, а подвержено прежде всего индивидуальным колебаниям. Затем оно колеблется в зависимости от состояния данного лица, его температуры, от свойств кожи в различных областях тела (ладонь, тыл кисти, живот, спина, подошва). Цифры здесь колеблются в границах от 1.000 до 80.000 ом. Так, напр., на ладони мы имеем 50.000 ом, а на тыле — 10.000 ом. Различные состояния кожи то повышают сопротивление (сухость, образование мозолей), то понижают (влажность, нежность кожи).

Помимо условий, зависящих от качества и характера тока с одной стороны и от сопротивления организма с другой, — опасность от электричества тесно связана с целым рядом иных условий. Мы уже выше указывали, что без контакта нет электротравмы. Как же влияют различные условия контакта на проникновение тока в организм? Такими условиями являются **величина площади контакта, продолжительность контакта и интимность контакта** (давление). Под площадью контакта понимают то пространство нашего тела, которое приходит в соприкосновение с источником электричества. Понятие продолжительности контакта не требует пояснений: это — время в течение которого наше тело находится в соприкосновении с источником электричества. Наконец, под интимностью контакта мы понимаем то давление, которое оказывает источник электричества на наше тело. Для всех этих трех факторов можно установить один общий закон; **увеличение всех этих величин благоприятствует внедрению тока в организм, уменьшение — затрудняет вхождение тока.** Об'ясняется это уменьшением сопротивления, так что мы можем формулировать этот закон иначе: **с увеличением площади кон-**

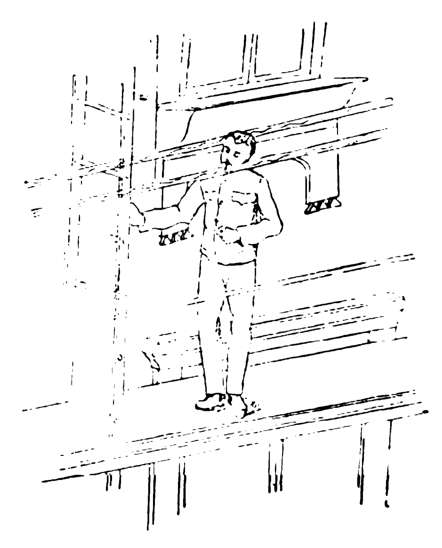

Рис. 1. Положение монтера, голова которого была просунута между двумя стойками с прикрепленными к ним проводами.

такта, продолжительности контакта и давления электродов—сопротивление уменьшается. Первое не требует особых пояснений, так как вычисляется по особым формулам. Что касается времени (продолжительности контакта), то опытным путем доказано, что с каждой секундой контакта сопротивление уменьшается. Поэтому значение времени по отношению к техническому и биологическому эффекту электрического тока различно. В первом случае просто чем больше продолжительность действия, тем сильнее самое действие. Во втором случае к этому присоединяется увеличение эффекта вследствие все возрастающего уменьшения сопротивления.

Выше, говоря о биологическом эффекте, мы имели в виду мгновенность действия тока, поэтому исключили вопрос о времени и указали на все значение напряжения тока. При длительном действии тока на организм, на сцену выступает второй фактор качества тока — сила тока. Это и понятно, потому что под силой тока понимают количество электричества, проходящее через поперечное сечение проводника в единицу времени.

Наконец, что касается интимности контакта или того давления, которое оказывает, напр., рука на предмет, с которого ток переходит в тело, то здесь все дело сводится к толщине слоя воздуха между телом и электродом. Воздух является лучшим изолятором или наихудшим проводником электричества, поэтому чем толще слой воздуха между источником электричества и телом, тем труднее электричеству проникнуть в тело и наоборот. Это в равной мере относится и к давлению со стороны принадлежностей электрических установок. Таким образом, чем теснее соприкосновение, чем интимнее контакт, тем этот воздушный слой будет тоньше.

Скажем, наконец, несколько слов об условиях, лежащих в окружающей обстановке. Сюда относятся состояние почвы или пола, где стоит суб'ект, а также состояние его одежды и обуви. Здесь играет большую роль влажность. Если голый провод коснется части тела, прикрытой хорошей сухой одеждой, травма может не получиться. Обратные условия (мокрая, грязная одежда) благоприятствуют несчастному случаю. То же самое относится и к обуви. Вот в общем и целом те условия, которые влияют на происхождение электротравмы в ту или иную сторону.

Если мы теперь обратимся к рассмотрению тех повреждений и болезненных расстройств, которые вносит в наш организм электрическая травма, то пред нашими глазами развернется пестрая и богатая красками картина. Это не должно нас поражать, если мы вспомним—о чем упоминалось выше—о тех четырех слагаемых, на которые распадается биологический эффект электрической энергии. Мы здесь будем иметь дело с воздействием механическим, термическим (тепловым), химическим и чисто электрическим. Первое из них может повлечь за собою всевозможные подкожные повреждения, начиная с незначительного ушиба и кончая переломом костей, а также целый ряд ранений от поверхностной раны вплоть до отрыва целых конечностей. Все эти местные повреждения могут сопровождаться, как и обычно, болезненными явлениями общего характера.

Рис. 2. Рана, образовавшаяся в том месте, где шея монтера находилась в соприкосновении с голым проводом, через который был пущен ток.

В отношении к тепловому воздействию мы будем здесь иметь дело лишь с повреждениями от чрезмерно высокой температуры—с ожогами. Наблюдаются как самые ничтожные, едва заметные ожоги, так и чрезвычайно обширные и глубокие, ведущие за собой омертвение тканей.

Химическое или электролитическое действие тока при электротравме почти не проявляется. Для этого требуется более или менее продолжительное время, а электрические повреждения, как мы уже неоднократно указывали, происходят мгновенно.

Чисто электрическое действие выразится в появлении расстройств в сфере чувствительной (потеря чувствительности — анестезия и изменения чувствительности — парэстезии), в сфере двигательной (параличи в различной степени), расстройств в органах чувств, как высших (зрение, слух), так и низших (обоняние, вкус и осязание). Ослабление зрения и слуха вплоть до слепоты и глухоты, равно как и понижение остальных внешних чувств, очень часто наблюдаются при электротравме. Нередко также встречаются расстройства речи (заикание и немота) и целый ряд психических расстройств.

Наконец, как заключительный аккорд этой травматической симфонии — электроктония — мгновенная смерть от электрического разряда или тока.

Теперь в виде иллюстраций к только что сказанному приведем несколько случаев электротравмы.

17-ти-летняя девушка, сидя в металлической ванне, схватила в руку электрическую стоячую лампу. Вследствие недостаточной изоляции ламповой подставки, девушка попала в ток и была убита. Лампа была найдена в воде на теле умершей и продолжала все время гореть и потухла лишь при извлечении из воды. На теле девушки были найдены различные повреждения, как прижизненные, так и посмертные, как результат действия электрического тока. Девушка подверглась действию постоянного тока напряжением 330—440 вольт.

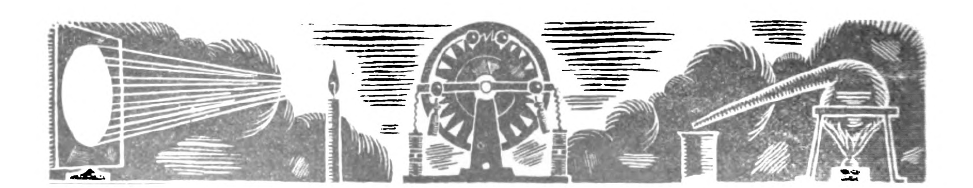
19-ти-летний служащий колбасной нес колбасный фарш на нескольких, поставленных друг на друга лотках. Вдруг другой служащий заметил, что лотки эти собираются падать. Подскочив, он увидел, что несущий эти лотки прислонился к стенке, касаясь левым виском выключателя. Он хотел его оттащить и схватил за голую руку, причем почувствовал электрический удар и его отшвырнуло в сторону. Тогда он покрыл руку своим передником оттолкнул своего товарища от выключателя и подхватил своими руками. Несчастный был мертв.

23-х-летний монтер работал над монтажем осветительных проводов, и в то время, как он просунул свою голову между двумя деревянными стойками, к которым были прикреплены голые провода, был слишком рано пущен ток. Монтер, который помещался на помосте, был включен в ток своим правым виском и левой стороной шеи, потерял сознание и, качаясь во все стороны, изверг рвотой содержимое желудка на улицу, что и обратило внимание на несчастный случай. Ток был выключен; монтер был без сознания и не дышал. При помощи искусственного дыхания был приведен в чувство и отправлен в больницу. Кроме повреждений, получился легкий паралич лицевого нерва.

В заключение я приведу еще один случай. Монтер схватился вместо ручки, за металлические острия изоляционных проверителей. Монтер успел только издать легкий стон и прижать судорожно руки к груди, а затем упал на стол. Несмотря на немедленное прекращение тока и предпринятое искусственное дыхание, монтера не удалось вернуть к жизни. На руках оказались лишь небольшие поверхностные пузыри.

Немногие случаи, приведенные нами, могут дать довольно полное представление читателю об опасности электрического тока.

Д-р мед. Ю. Г. Малис.

Современная техника пара

Целые тысячелетия никто не задумывался над явлениями, происходящими при кипячении воды, и еще менее кому бы то ни было могла бы прийти в голову мысль, что в этих легких, тающих на воздухе клубах пара заключается сила, которая когда-то заменит тяжелый труд человека...

Гениальное прозрение греческого философа Герона, заставившего вращаться посредством вырывающегося пара небольшой медный сосуд, не было понято в свое время и вошло в историю лишь как любопытная физическая

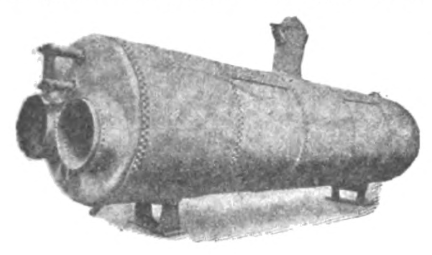

Рис. 1. Ланкаширский котел.

игрушка. Силу сжатого пара начали смутно угадывать лишь с XVII века, когда в работах Папина, Севэри и Ньюкомена стали вырисовываться очертания будущей паровой машины.

Источником движущейся силы этих машин является пар, получаемый при нагревании воды в прочных закрытых сосудах, получивших название паровых котлов.

Котлы эти были во время Уатта простыми круглыми сосудами из железа, небольшого размера, и большая часть тепла, затраченного на них, пропадала даром. В дальнейшем эти котлы вытянулись в длину, приобретя вид цилиндров из клепанных железных листов, при чем для лучшего использования тепла топка стала устраиваться в железной длинной (т. наз. жаровой) трубе, укрепленной внутри самого парового котла.

При одной такой трубе котел называется корнваллийским, а при двух — ланкаширским (рис. 1). В передней части этих труб устраивается топка из чугунных колосников с поддувалом для притока свежего воздуха. Горячие газы после выхода их из жаровой трубы заставляют обойти котел и с наружной его стороны, для лучшего использования заключающегося в них тепла. Чем больше поверхность нагрева, омываемая горячими газами, тем больше воды можно превратить в пар. Котел устанавливается (или подвешивается) на специальных опорах и обкладывается кругом огнеупорным кирпичем и простой кирпичной кладкой. Выступающие наружу части котла по возможности стараются покрыть каким-нибудь составом, плохо проводящим тепло, с целью уменьшения топливных потерь на лучеиспускание.

Все котлы любого типа обязательно испытываются перед пуском в ход гидравлическим давлением и только при отсутствии течи ими разрешают пользоваться.

На всех котлах имеется арматура — предохранительные клапаны (изобретенные еще Деннсом Папином около 300 лет тому назад), указатель уровня воды и манометр для указания давления. Без этих приборов котел представлял бы немалую опасность, так как, не зная давления, можно так сильно поднять давление пара в котле, что котел разорвет. Для выпуска избытка пара при ненормально высоком давлении и служит предохранительный клапан. Не менее опасно также настолько опустить воду в котле, что обнажатся жаровые трубы, — последние под давлением пара могут размягчиться, и тогда взрыв неминуем. На обязанности кочегара и машиниста лежит неослабное наблюдение за этими приборами, снабжение топки горючим и регулировка питания котла свежей водой (посредством инжекторов и насосов).

Несоблюдение правил ухода за паровыми котлами или случайный дефект в конструкции котла иногда бывали причиной страшных несчастий, уносивших с собой десятки человеческих жизней.

Так, однажды, в 1887 г. на одном железоделательном заводе в Силезии, одновременно взлетели на воздух 22 котла, при чем 12 человек было убито и 38 человек ранено.

Еще ужаснее был взрыв котла во Франции в г. Марацвале в 1883 г., на одном заводе, когда пострадало около 100 человек. Самый

сильный, известный до сего времени взрыв случился на американском речном пароходе „Соутон“ около г. Мемфиса, 27 апреля 1868 г., когда погибло 1.500 человек пассажиров.

Чем об'ясняется эта сила? Почему закрытый котел с кипящей водой опасен? Здесь будет, пожалуй, необходимо об'яснить смысл некоторых физических явлений, проявляющихся в паровой машине и кладущих известный предел ее дальнейшему усовершенствованию.

Если взять открытый сосуд с водой и нагревать его на огне, мы заметим, что температура воды будет повышаться, дойдя до 100° (если атмосферное давление нормально) и больше подниматься не будет. Зато вода начнет постепенно превращаться в бесцветный горячий газ, называемый паром. Пар этот мы видим лишь тогда, когда он начнет сгущаться в мельчайшие водяные частицы белого тумана. Если этот сосуд закрыть, то давление газа в нем поднимется, и жидкость начнет испаряться при несколько повышенной температуре. Так, например, при давлении в 5 атмосфер, температура кипения воды будет равна 154°, при 10 атмосферах — 180°, при 25 атмосферах — 223°. Если давление такой нагретой воды быстро уменьшить, значительная ее часть мгновенно перейдет в пар, который с огромной быстротой и силой разнесет все окружающее. Здесь тепловая энергия превращается в энергию механическую (как известно, 1 калория тепла, способная нагреть 1 килограмм воды на 1° Ц, соответствует работе 427 килограммометров). Кроме того, было найдено, что для нагревания 1 килограмма ледяной воды до точки кипения надо около 100 калорий, а для превращения того же количества воды в пар необходимо от 538 калорий (при давлении 1 атмосф.) до 456 кал. (при давлении 20 атмосфер). Все это количество теплоты при быстром падении давления, мгновенно освобождаясь в виде пара, стремящегося занять в 1.772 раза больший об'ем, чем вода, — превращается в механическую энергию и производит разрушительные действия, наблюдаемые нами при „взрывах“ паровых котлов. Было вычислено, что средних размеров паровой котел, находящийся под давлением 7 атмосфер (около 7 *кг* на 1 *кв. см*) обладает запасом энергии достаточным для того, чтобы швырнуть его на высоту 5 километров. Не будет поэтому преувеличением сказать, что часовой, охраняющий склады пороха, может чувствовать себя гораздо безопаснее, чем любой машинист, обслуживающий котлы под парами...

В дальнейшем конструкции паровых котлов подверглись множеству изменений и усовершенствований. Прежде всего было найдено, что для более интенсивной работы котла необходимо привести, по возможности, большую поверхность его в соприкосновение с горячими газами. Это повело к изобретению котлов с несколькими паровыми трубами, названными «головеевскими кипятильниками», укрепленными поперек главных паровых труб. Логическим развитием этой идеи был переход к т. наз. «трубчатым котлам», где газы из топки проходят через многочисленные, как их называют «дымогарные», трубки небольшого сечения, укрепленные внутри котла. Этим достигается очень большая поверхность нагрева, но зато благодаря большому сопротивлению для прохождения через эти трубки горячих газов требуется усиленная тяга.

Котлы эти занимают немного места и менее опасны тем, что в них содержится меньшее количество воды, а следовательно, в случае взрыва, количество образующегося пара будет также невелико.

Ремонт таких котлов совершается сравнительно быстро, так как можно иметь запасные части; немалым преимуществом является также возможность его разборки на небольшие и не слишком громоздкие части, что облегчает их перевозку и установку котла в трудно-доступных местностях с плохими дорогами.

Современные паровозы устроены именно по такой системе. От топки, находящейся у одного конца котла, газы проходят через множество дымогарных труб в особую камеру под дымовой трубой, где посредством пара создается сильная искусственная тяга.

В сороковых годах появились т. н. «водотрубные» котлы Альбона, состоящие из ряда горизонтальных труб, выходящих своими концами с одной стороны в общий котел. Идея разбить самый котел на ряд маленьких котлов-трубок и тем самым увеличить поверхность нагрева была весьма удачна; однако, ряд недостатков (например, плохая циркуляция подогреваемой воды) вызвали к жизни новые, более совершенные конструкции этого рода (котлы Бельвилля и Роота, затем Штеймюллера, Дюрра, Вальтера, Бабкок и Вилькокса и др. систем). Котлы Штеймюллера и Дюрра состоят из

одного или двух верхних котлов небольшого диаметра, соединенных с двумя плоскими камерами, находящимися под ними. Камеры эти связаны между собою несколькими десятками наклонных трубок.

Топка устроена непосредственно под этими трубами, и горячие газы проходят между последними, заставляя находящуюся в них воду испаряться и подниматься вверх, через переднюю камеру парового котла в паровое пространство последнего.

Одним из наиболее распространенных в мире типов водотрубных котлов является котел вать и тем регулировать силу тяги. Над этими трубами, под котлом, установлено несколько секций трубок маленького диаметра, где пар, полученный в котле, еще более перегревается. Котлы эти могут обслуживаться различными топками и сортами топлива. На рисунке изображена т. н. автоматическая цепная топка *Т*.

В котле этой системы можно использовать, превратив воду в пар, до 80% тепла затраченного топлива. Котлы эти могут дать до 20—28 килограммов пара в час с одного квадратного метра поверхности нагрева, которая до-

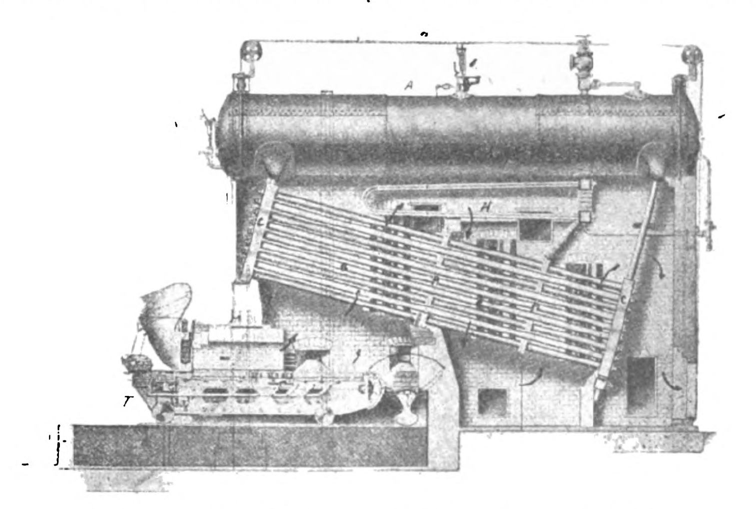

Рис. 2. Паровой котел системы Бабкок и Вилькокс. *А* — верхний котел. *В* — водомерное стекло. *М* — монометр. *в* — предохранительный клапан. *с* — нижние камеры. *е—е* — трубки. *р—р* — перегородки. *Т* — механическая цепная топка. *З* — устье для загрузки топлива.

Бабкок и Вилькокс, изображенный на рис. 2. Он также состоит из верхнего котла с запасом воды *А*, на котором укреплена арматура: манометр *М*, водомер *В* и предохранительный клапан *в*. К нижней части концов котла прикреплены «карманы», соединяющиеся с несколькими литыми камерами *С-С*, связанными между собой многочисленными трубками *е-е*, между которыми, благодаря перегородкам *р-р* — циркулируют горячие газы перед тем как уйти в дымовой канал. Устье последнего машинист посредством цепи может в большей или меньшей степени закры-стигает иногда несколько сот квадратных метров в одном котле.

Одним из последних достижений в области водотрубных котлов можно считать котлы системы Гарбе, появившиеся около 15 лет тому назад. Состоят они из двух поперечных барабанов, верхнего и нижнего. Барабаны эти непосредственно связаны рядом почти вертикально поставленных трубок, между которыми проходят топочные газы. Это вертикальное расположение трубок способствует меньшему осаждению на них грязи, лучшей циркуляции воды и более сильному

арообразованию, достигающему до 40 килограммов пара с 1 кв. м поверхности нагрева в час (рис. 3).

На пароходах, где к котлам также предъявляют довольно тяжелые требования, в ходу котлы системы Стирлинга и системы Ярроу. Последние несколько напоминают котел Гарбе и состоят из верхнего парособирателя и двух нижних коллекторов, от которых идут к нему многочисленные трубки. Все

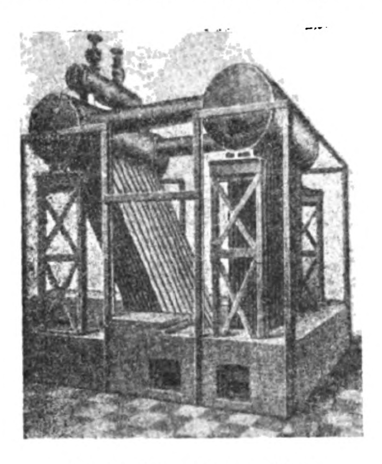

Рис. 3. Паровой котел Гарбе.

сооружение напоминает собою шатер, под которым устроена топка.

Стремясь поднять паропроизводительность котла и увеличить полезное действие турбины в последние годы стали применять все большие давления. Прежние котлы строились на 5—6 атмосфер; однако, вскоре перешли к 10 атмосферам и выше. Теперь очень часто можно встретить паровые установки в 15—20 атмосфер и даже выше.

Шведский инженер Бломквист построил в 1897 году котел с давлением до 200 атмосфер, обслуживавший турбину Лаваля на одной шведской выставке. Однако, ряд недостатков этого котла заставил изобретателя переделать его, понизив давление сперва до 50 атмосфер (1915 г.), а потом до 100 атмосфер (1923 г.). Котел этот состоит из нескольких толстостенных длинных (3 м) стальных цилиндров, быстро вращаемых на огне посредством мотора. Внутрь этих цилиндров вбрызгивается вода, отбрасываемая центробежной силой к горячей стенке, отчего происходит быстрое и энергичное ее испарение, доходящее до 277 кл пара с 1 кв. м поверхности нагрева, как показали опыты 1923 года.

Не входя в детали устройства котлов, мы упомянем вкратце те приспособления, которые сделали паровые котлы за последние два десятка лет тем совершенным аппаратом для испарения воды, которым мы пользуемся на наших теплосиловых установках.

I. Арматура котла — о ней мы уже говорили. Она состоит из манометра для указания давления, указателя уровня воды в котле и предохранительного клапана.

II. Для питания котлов свежей водой пользуются паровыми насосами или так наз. инжекторами, засасывающими воду.

III. Для лучшего использования тепла, холодная вода перед ее поступлением в котел подогревается в особых подогревателях, «экономайзерах», состоящих из многочисленных секций чугунных труб, устанавливаемых в камере, через которую проходят газы перед их поступлением в дымовую трубу. В этих экономайзерах топочные газы, входящие сюда еще с температурой около 400°, нагревают питательную воду до 100—130°. Наибольшим распространением пользуются экономайзеры Грина, дающие до 15% экономии топлива.

IV. Пароперегреватель. В виду того, что сухой пар, не содержащий в себе частиц неиспарившейся воды, работает лучше сырого пара, так как появление воды в паровом цилиндре может иногда повести к нежелательным последствиям, то всячески стремятся к тому, чтобы по возможности «высушить» образующийся в котле пар. Для этого устанавливают под верхней частью котлов, т. н. «сухопарники», откуда уже пар идет в паропровод, а также ставят на пути пара особые водоотделители.

В последние десятилетия вошли во всеобщее употребление т. наз. пароперегреватели, где пар нагревается до температуры 250—300°, теряя всякие следы влажности. Перегрев этот способствует также значительному повышению полезного действия котла.

V. Паропроводы. Подвести к паровому двигателю огромное количество пара

при температуре свыше 200°, находящегося под давлением до 20 атмосфер, является делом далеко не легким. Помимо исключительной прочности и способности выносить без поломки значительные колебания температуры, паропроводы, достигающие иногда большой длины, должны быть хорошо изолированы, подобно паровым котлам, от потери теплоты специальной обмазкой из асбеста или другого вещества, плохо проводящего теплоту.

VI. Топки паровых котлов. В первых паровых котлах топки устраивались очень просто; под котлом или внутри жаровых труб устанавливались т. наз. колосниковые решетки, на которых сжигалось топливо; доступ воздуха под решетку регулировался особым поддувалом. Эта конструкция с некоторыми изменениями сохранилась и до сих пор под большинством котлов.

Научное выяснение условий наилучшего горения внесло много ясности и определенности в конструкцию топки — последние стали строиться согласно точных расчетов, в зависимости от условий работы котла и рода употребления топлива. Тем не менее работа кочегара на таких топках остается одной из самых трудных: стоит только спуститься в котельную большого океанского парохода. В атмосфере, насыщенной парами масла, в нестерпимой духоте, лопату за лопатой полуобнаженные кочегары забрасывают уголь в раскаленное жерло топок и, время от времени, обжигаемые их жаром, длинными железными шестами они перемешивают, „шуруют", спекшиеся куски угля...

Без преувеличений можно сказать, что здесь мы—в передовых окопах на фронте труда.

Изобретение механических топок избавило кочегара от этого каторжного труда. Говоря по правде, толчком к этому изобретению послужили менее гуманные соображения: дело в том, что при частых открываниях топки туда проникает слишком много холодного воздуха, что ухудшает процессы горения. В механической топке этот недостаток устранен: Кочегару не зачем забрасывать уголь в самую топку. Последний силою тяжести идет по особым железным желобам и трубам из угольного склада, устроенного над котельным помещением. Иногда уголь или торф приходится загружать вручную в коническое устье топки (см. рисунок, часть *T*), но о дальнейшем кочегару не приходится беспокоиться: топливо падает на вращающуюся бесконечную ленту, составленную из коротких чугунных или огнеупорных глиняных колосников, связанную шарнирами и намотанную на два зубчатых барабана. Последние приводятся в движение небольшим электрическим мотором, и таким образом топливо постепенно, по мере сгорания, передвигается вперед; зола падает в промежутки между колосниками в зольник, а прикипевшие к ним куски шлака сами отламываются при обходе концевого барабана и снимаются особыми скребками, установленными в конце топки. Регулировка горения здесь достигается идеальная; дыма почти не образуется, и один кочегар может без труда обслуживать несколько таких топок (рис. 4).

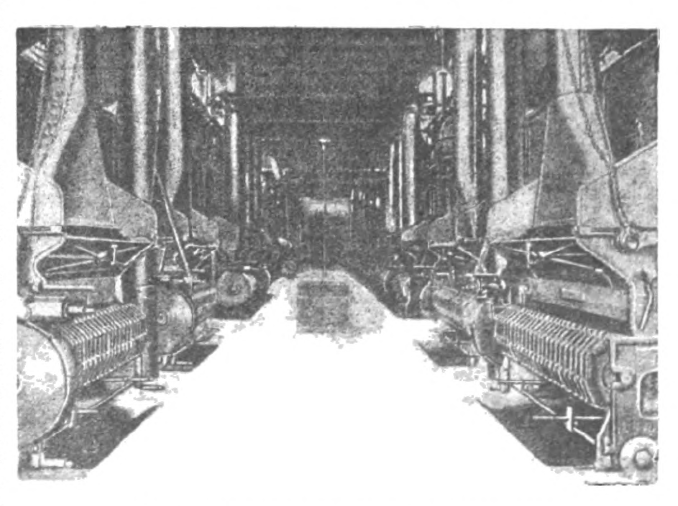

Рис. 4. Котельная с механическим оборудованием.

Острота у нас топливного кризиса, которая стала чувствоваться уже последние годы войны,

дала толчок к изобретению двух чрезвычайно ценных топок для наших условий. Мы имели здесь в виду топку для сырых дров проф. Кирша и топку для торфа инж. Макарьева.

Топка для сырых дров относится к так назыв. шахтному типу. Сырые дрова могут туда загружаться, будучи срубленными прямо с корня, нерасколотыми кусками по три аршина длиной. Верхние слои наваленных дров постепенно просушиваются теплыми газами, и горение происходит лишь в нижней части топки.

Топка для торфа — была уже неоднократно построена. Инженеру Макарьеву удалось, однако, создать тип топки, где горение такого „неблагодарного“ и сырого топлива, как торф, происходило бы в условиях, обеспечивающих наилучшее его сгорание.

Эта топка состоит из удачного сочетания шахтной и механической топок, позволяющих снимать до 50 килограммов пара в час с 1 кв. метра поверхности нагрева котла Гарбе—результат тем более поразительный, что топливом служит сырой торф, а не уголь.

Для отопления нефтью употребляются нефтяные форсунки, приводящие нефть в тончайшую пыль, с силой разбрызгиваемую посредством сжатого воздуха внутри топочного пространства в виде горящей струи, длиной в несколько метров. В настоящее время имеется несколько систем этих форсунок. Нефтяное отопление. в виду все более ощущаемого недостатка в нефти, находит теперь применение исключительно на военных судах, где этот род топлива имеет ряд ценных преимуществ благодаря экономии занимаемого им места. В заключение скажем два слова о новой, недавно предложенной топке проф. Бона, где паропроизводительность доводится до колоссальной цифры 140 *кг* пара в час с *1 кв. м* поверхности нагрева. Это котел с дымогарными трубками, заполненными кусками пористой огнеупорной массы; после растопки, благодаря искусственной тяге, горящий газ втягивается внутрь трубок, раскаляя находящиеся там куски, способствующие лучшему перемешиванию и полному сгоранию газов. Большой интерес вызывает также недавно появившаяся топка, где горение жидкого топлива, смешанного с водой, происходит внутри самого котла.

Наконец, в самое последнее время стали появляться топки для пылевидного топлива. Совсем еще недавно эта угольная пыль и мелочь, неизбежно получавшаяся при добыче и сортировке угля, считалась досадным балластом предприятия, видевшего в ней лишь чистый убыток. Всеобщее стремление к экономии, так ярко проявившееся во всех областях народного хозяйства, заставило техников задуматься над задачей использования угольной пыли.

И что же? Оказалось: то, что было отбросом, как раз и есть наиболее ценное в угольном топливе. Перемолотый, просеянный и очищенный мелкий уголь оказался идеальным топливом, которое горит и отдает тепло гораздо лучше, чем обычный уголь, состоящий из крупных кусков. Разумеется с введением угольной пыли пришлось видоизменить конструкцию топки, получившей вид довольно обширной камеры, выложенной огнеупорным кирпичом, внутрь которой вдувается подогретый воздух с угольной пылью, сгорающей там в виде широкого огненного снопа пламени. Несгоревшие частицы и зола падают мелкой пылью на дно камеры, откуда они легко удаляются через нижние отверстия. К достоинствам топки с угольной пылью принадлежит ее высокая экономичность, а также легкость и быстрота ее пуска в ход.

Нет сомнения, что применение угольной пыли в качестве топлива внесет полный переворот в топливной технике; доказательством этого служит хотя бы то, что бóльшая часть паровых станций Германии переходит к этому новому способу, а новейшие крупные центральные паровые станции Америки, вроде станции Кахокия в 300.000 киловатт, также вводит у себя отопление угольной пылью.

VII. Для того, чтобы заставить горящие газы пройти сложный и извилистый путь между трубками и каналами парового котла, требуется создание весьма значительной тяги. Тяга эта достигалась раньше устройством высоких дымовых труб, где теплый воздух, поднимающийся кверху, увлекает за собою воздух, находящийся в топке. Для получения сколько-нибудь сильной тяги, приходится в этом способе прибегать к устройству чрезвычайно высоких труб (до 100 метров и выше).

В паровозах, где устройство высоких труб невозможно, прибегают к вдуванию отработанного пара, который увлекает с собой горячие газы.

Однако наиболее совершенным способом, получающим все большее распространение,

особенно там, где требуется получение значительных количеств энергии, является искусственная тяга посредством вентиляторов, отсасывающих и выбрасывающих наружу использованные топливные газы. При этом высокие кирпичные трубы-башни могут быть заменены более дешевыми, короткими, слегка упирающимися кверху железными трубами.

Скажем в заключение еще о двух усовершенствованиях в области паровой техники, связанных с увеличением экономичности работы паровых котлов.

Инженер Рутс предложил несколько лет тому назад устанавливать на дворе станции больших размеров котел с хорошей тепловой изоляцией, вода в котором нагревалась бы паром от обычных котлов в часы малой нагрузки станции. В часы же большой нагрузки, вместо того, чтобы пускать запасные котлы — будет достаточным брать пар для машин из этого котла, который играл бы роль уравнителя станционной работы и сделал бы излишним установку запасных котлов. Практика вполне подтвердила такие предположения и показала, что применение аккумулятора Рутса может сберечь до 30% обычного расхода топлива станции и удешевить всю установку.

Опыты с нагреванием котлов электрическим током также показали полную целесообразность этого способа в некоторых случаях.

Нагревание это достигается либо посредством особого спирального проволочного реостата, при чем иногда ток проходит частью через спираль, частью через воду, — или посредством электродов, — тогда сама жидкость в котле служит сопротивлением для электрического тока.

Избытком электрической энергии в часы малой нагрузки станции можно производить нагревание паровых аккумуляторов Рутса; весьма удобно также запасать тепловую энергию в таких электрических котлах, когда они расположены далеко от центральной станции. В производствах, где требуется пар, электропаровые котлы также могут найти себе широкое применение, так как они легко регулируются и позволяют обойтись, не устраивая своей собственной котельной.

Кроме того, электропаровые котлы не образуют накипи, происходящей при нагревании воды снаружи, а также значительно безопаснее при опускании уровня воды, так как совершенно исключается возможность перегрева стенок котла. Так как для получения одного килограмма пара необходима затрата от 1,25 до 1,5 киловаттчаса энергии, то пользование электропаровыми котлами делается выгодным лишь при достаточно низком тарифе на электрическую энергию.

Таково в общих чертах развитие техники парадобывания, приобретающей в настоящее время все большее значение в связи с ростом мощных центральных электрических станций, которым будет посвящен нами отдельный очерк, в виду их крупной роли в технике и жизни культурных стран.

Инж. В. Д. Никольский.

Литературное обозрение

(Новинки пролетарской литературы).

Пролетарская литература (как и вся современная русская литература вообще) вращается в очень небольшом кругу тем, достаточно животрепещущих, однако и достаточно богатых яркими картинами и драматическими эпизодами, для того, чтобы оплодотворить художественные произведения.

Среди этих тем самая благодарная для художника — это героическая эпоха гражданской войны. Не даром на этой теме развилась и окрепла вся послеоктябрьская литература, между прочим и пролетарская. Поэтому нельзя сказать, чтобы тема эта была недостаточно обработана в пролетарской литературе. Но все же она и посейчас не потеряла острого интереса. Об этом говорит нам новая повесть Дм. Фурманова «Мятеж» [1].

Впрочем, эту вещь так же трудно назвать повестью в обычном смысле этого слова, как и подыскать более или менее удовлетворительное определение ее повествовательного жанра (роман, рассказ и т. п.). Эта вещь, как и все, что выходит из-под пера Фурманова, выросла из личного опыта автора, видного участника гражданской войны.

[1] Дм. Фурманов «Мятеж». ГИЗ 1925.

Личные воспоминания о пережитом эпизоде, соединенные с детальным изучением всех материалов, с ним связанных, легли в основу этого интересного повествования. Как видим, это жанр совсем особенный: картины художественные сочетаются с элементами исторической работы и чисто-теоретическими рассуждениями из области коммунистической тактики.

Автор в полубеллетристической форме делится с нами своим богатым опытом, тем более интересным, что относится он к жизни совсем мало известного края Сов. Союза: Ср. Азии, Туркестанской обл. В этой экзотической обстановке в 1920 г. развертываются события, полные жуткого драматизма.

Автор показывает нам всю сложность классовых и национальных взаимоотношений в этом крае. Местная крестьянская, полу-партизанская армия, смешанного национального состава (русские и кочев. кирг.) разбила казаков и, по приказу командующего фронтом, должна быть переброшена в другое место. Однако сама эта победоносная армия представляет собой в достаточной степени горючий анти-советский материал. Партизанская, по своим традициям, — она не мыслит себя частью единой Кр. Армии. Она победительница — освободила свой край от казаков — чего еще больше? Она может вернуться в родные палестины, но вернуться вооруженной.

Крестьянская — полукулацкая — по своему социальному составу, эта армия недовольна политикой продразверстки, бурно негодует по поводу суровой революционной дисциплины.

К этому присоединяется антагонизм русского крестьянина с кочевником-киргизом, которого Советская власть хочет посадить на землю и для этого требует жертв от местного богатого крестьянства. Возникает национальная вражда.

Вся эта обстановка и приводит к мятежу в городе Верном, который засасывает и местный Горком партии и местные партийные воинские части. Небольшая группка военных верхов, командированная из центра, остается захлестнутой шквалом мятежа, который ей предстоит утишить и ввести в нормальное русло. Совершенно лишенная каких-либо военных сил, эта верхушка терроризует разбушевавшееся солдатское море, и в то же время ведет неслыханно опасную и ответственную работу улажения грозного конфликта.

Здесь и вырисовывается вся элементарность наших обычных представлений о храбрости, героизме и т. п. качествах революционных борцов.

Нужно быть храбрым — иначе, почувствовав маленькую нерешительность — мятежники убьют тебя, но необходимо быть и тактичным и мягким. Малейший раздражающий мятежников жест также погубит тебя.

А умереть можно себе позволить только с пользой для дела. Здесь вопрос не в том, чтобы быть готовым к смерти. Это подразумевается само собою. Нужно умереть с максимальной пользой для дела. Умирать нужно агитационно. «Напряги все силы — умри, как нужно — ведь это твоя последняя мобилизация».

Обычные представления о благородстве пасуют перед необходимостью политики волчьего зуба и лисьего хвоста. Автор показывает нам воочию этот совсем особенный героизм без обычной красивости, без позы, без утешающих фраз.

В этой повести мы чувствуем, что цель оправдывает средства. Что значат в такой обстановке обычные представления о честности? Подчас необходимо лгать и льстить для блага самих же мятежников, чтоб склонить их на компромисс и избежать в будущем кровопролития при усмирении. Этот сложный переплет обращает ложь в правду и правду — в ложь.

Он заставляет нас не только ясно понять, но ярко увидеть и живо почувствовать правдивость и глубину марксистского положения: в каждый данный момент хорошо то, что нужно.

Выше мы говорили, что «Мятеж» — почти мемуарное произведение, лишь отчасти напоминающее роман. И действительно, автор не позволяет нам ни на минутку забыть об этом свойстве его произведения. Его изложение полно отвлечений в сторону, совершенно невозможных в романе. Еще не дойдя до описания самого мятежа, читатель уже знает заранее, что будет мятеж; при начале мятежа знает, чем он кончится. Подчас при характеристике кого-либо из участников восстания, узнает о его судьбе при подавлении мятежа и т. п. Конечно, этим срывается чисто-авантюрный интерес читателя к развивающемуся действию, и центр внимания переносится на отдельные эпизоды борьбы с восстанием. А так как изложение этих эпизодов ведется от лица автора — участника усмирения восстания, то об'ективно повесть приобретает целевую установку именно на пафос тактики подавления мятежа, уже совершенно не осложненный ощущением темпа развивающихся событий. Это было бы естественно, если бы темп событий был медленный, еле заметный. А на самом деле темп-то был бешеный, каждая минута восстания была полна огромных событий. Зачем же лишать произведение ощущения этого темпа? Эта насильственная кастрация сильно вредит повести Фурманова. Читатель все время испытывает неудовольствие сорванного напряжения интереса. В данный момент ему интересно знать, чем кончится то или иное положение борьбы и что за ними непосредственно последует, а ему преподносятся сведения о том, что будет в развязке; точно также подчас автор начинает рассуждать там, где ему нужно было бы только показать (см. сцену речи Фурманова в крепости перед мятежниками).

Словом, мы видим у Фурманова совершенно излишнее пренебрежение к четкой разработке сюжетной канвы.

Фурманову, как и многим пролетарским писателям, не мешало бы задуматься над этим вопросом.

Этим недостатком грешит и недавно вышедший роман о 1905 годе начинающего писателя П. Иванова. — «От станка к баррикаде» [1]. Автор — старый рабочий, большевик, проделавший три революции, в этом своем первом произведении поделился своими личными воспоминаниями о событиях первой русской революции на Дону.

Темой романа является вооруженное восстание, поднятое по инициативе местной группы большевиков. Это восстание сразу раскалывает соц.-демо-

[1] П. Иванов. «От станка к баррикаде». Роман Лгр «Прибой», 1925 г.

кратический комитет на два лагеря, из которых меньшевистская группа в восстании не участвует и демонстративно умывает руки. Различные сцены борьбы и составляют фабулу этого романа. Но опять-таки нет одного эпизода, одного какого-либо события из этой борьбы, за которой следил бы читатель. Отдельные сцены так и живут почти врозь, связываясь только фигурами вождей местной группы.

Впрочем, если у Фурманова это входило в задание автора, то здесь это несомненно произошло помимо воли автора. Умение рисовать широкие полотна дается не сразу: их не составишь из кусков.

Отдельные же куски в этом романе подчас очень хороши (напр., сцена освобождения заключенных, погром, и др.).

Особенно удачны у Иванова полу-юмористические портреты вождей старого строя, на смерть перепугавшихся революции.

В слегка ироническом тоне выдержаны и портреты меньшевиков.

Роман П. Иванова об'ясняет, «почему так далеко разошлись дороги обеих групп, оказавшихся в Октябре по обе стороны баррикад» (Л. Сосновский, предисловие к роману).

К числу несомненных художественных достоинств П. Иванова принадлежит лаконичность его языка. Весь роман написан короткими и меткими фразами, придающими повествованию особую энергичность. Эта энергичность как нельзя больше подошла бы к быстрому темпу действия романа, но этой быстроты-то действия и нет.

Впрочем, в настоящий момент, когда потребность в историко-революционных романах и повестях ощущается очень остро, а в произведениях о 5-м годе особенно, роман, написанный не только очевидцем, но и участником великих событий, не лишенный к тому же художественных достоинств, является приобретением более чем ценным.

Впрочем, темы о революции 5-го года и о гражданской войне 1917 года хотя и стоят сейчас в порядке дня пролетарской литературы, но все же не обладают характером первостепенной актуальности.

Это все же вчерашний день, и относительно гражданской войны можно сказать, что довольно полно освещенный, а пролетарская литература должна откликаться и на темы дня сегодняшнего. Одной из таких наиболее живых сегодня тем это, конечно, деревня.

Но приходится с сожалением отметить, что в этой области пролетарской литературой сделано еще очень мало. После прекрасных деревенских произведений покойного Неверова, ничего особенно значительного не появлялось.

Поэтому за всякой новинкой в этой области приходится следить с особенным интересом.

А. Дорогойченко выпустил сборник рассказов «Кандидаты» [1], в котором имеются две деревенских рассказа. Из них один, рассказ, названный даже повестью, «Степановна», представляет несомненный интерес. Сюжетом его является образование деревенской коммуны. Таким образом, деревня вдруг не в период гражданской войны (какой ее показали нам «попутчики»), а во время мирной хозяйственной жизни. И тем не менее совершенно ясно и очень тонко показано классовое расслоение деревни. Это было тем более трудно сделать, что эта самая коммуна устраивается трудами всех мужиков. Но мы видим, что инициатива принадлежит деревенской бедноте, местным коммунистам и возникает она не из каких-либо идейных соображений, а из-за чисто хозяйственных нужд. Богатеи же присоединились, потому что «коммунальщикам» удалось их материально заинтересовать в этом предприятии. Таким образом, открытой классовой стычки здесь как будто и нет, а между тем там, где Дорогойченко сводит бедняков с кулаками, сразу чувствуется у них затаенная глухая вражда друг к другу.

В этом отношении прямо-таки прекрасна сцена косьбы. В косьбе принимают участие богатеи. Идет мирное сотрудничество, но отдельные замечания, словечки и колкие намеки, которыми перебрасываются работающие, сразу показывают, что перед нами два враждебных лагеря.

Словом, здесь и в помине нет традиционного «русского мужичка», этой старой народнической отрыжки.

Его повесть (как и «Кандидаты») вся насыщена поэзией крестьянского труда. Картины деревенской страды у Дорогойченка залиты ярким солнцем, полны бодрости и веселья; даже потные спины жнецов пышут могучей радостью.

А поэзия труда сплетается у него с поэзией любви простой и сильной. Эти картины — шедевр Дорогойченки. От них веет кольцовским духом. Зато психология — не его область. А он пытался в своей «Степановне» показать перерождение этой ворчливой старухи, жены деревенского коммуниста, в связи с переходом к жизни коммуной. Но сделано это совершенно неубедительно и до-нельзя примитивно, а потому самому несколько слащаво.

Между тем история Степановны должна явиться стержнем повести (не даром повесть названа ее именем). Но этого стержня даже и не замечаешь — до того он плохонек.

Так что повести, собственно говоря, и не получается. Остается ряд хороших очерков — картин современной деревни, но не больше.

Совершенно в другом тоне изображается деревня в повести «Волчий Дол» у Е. Хованской [1]. Само название намекает нам на картины драматического свойства. Действительно, в этой вещи нам показана мертвая волчья хватка между двумя лагерями деревни. Перед нами более четкая вырисовка деревни в противоположность лирическому тону вещей Дорогойченки. Борьба бедняков за передел земли, которую захватили кулаки, окопавшиеся в сельсовете — таков сюжетный стержень этой вещи. На этом фоне рассказывается история любви вдовы-солдатки из лагеря богатеев к вождю бедноты — коммунисту, жившему в городе.

«Волчий дол» хорош показом именно этой откровенности борьбы, не стесняющейся ничем. Чувствуется сильная сгущенность атмосферы; сразу видишь, что борьба не на жизнь, а на смерть. И, действительно, рассказ заканчивается смертью

[1] А. Дорогойченко «Кандидаты», сборник рассказов. Изд. «Земля и Фабрика».

[1] Журнал «Октябрь», орган. В. А. П. П. № 3—4, 1925 г.

вождя бедноты. Но это не настроит рабочего читателя на пессимистический лад.

Смерть Алексея — в этой повести вовсе не показатель слабости бедняцкой стороны. Кулаки убили его уже после того, как он уладил дело своих товарищей — малоземельных, обратившись за помощью в волисполком.

Классовые противники очерчены здесь яркими, пожалуй несколько романтическими, мазками. Вы не увидите здесь обычного в литературе хитренького мужичка из кулаков, прижимистого, себе на уме, лисообразного. Здесь — кулак умен, упорен, силен и изворотлив, хищен, словом — это волк. Но зато представитель другой стороны — коммунист Алексей — это уже сущий ягненок. Автор пожелал изобразить исключительный характер: сочетание душевной мягкости и доброты со стойкостью характера, силой воли, мужеством в классовой борьбе.

Не будем спорить о возможности такого психического типа. Но нужно же понимать, что в разгаре борьбы приходится и изменять своему душевному благородству, да ведь и всякий живой человек, еще борец к тому же, не способен все время, без всякого исключения пребывать в состоянии голубиной кротости. Но наш автор не позволяет своему Алексею сделать ни одного морально-бестактного шага.

Рассердился он на Иринку после ее признания в том, что измученная и озлобленная женщина убила своего ребенка, но не успела она еще отойти, как он тут же заглаживает свой неверный шаг. Даже и посердиться Алексей подольше не может. Словно автор боится, что читатель хоть на минутку усомнится в исключительных качествах его героя. Это, конечно, примитив, оскорбляющий читателя. Если рисуешь исключительный характер, сумей заставить поверить в него.

Совсем недурно обрисована героиня повести — Ирина. Солдатка-вдова нелюбимого мужа, измученная и озлобленная семейной жизнью в доме местного кулака, но не примирившаяся с ней, она невольно обращается в сторону Алексея, представителя новых начал и человека иного склада — такая история совершенно естественна, правдоподобна и не оставляет читателя равнодушным.

Итак, несмотря на привкус фальши, который чувствуется в этой вещи от излишней любви автора к своему герою, все же эта повесть — несомненный вклад в пролетарскую литературу о деревне.

Охарактеризованные деревенские вещи, хоть и не имеют первоклассного значения, но во всяком случае отступают от шаблонных описаний деревни и «русского мужичка» и представляют собою попытку взглянуть на эту деревню пролетарскими глазами.

* * *

Современная прол. литература является все-таки литературой верхушек рабочего класса, пролетарской интеллигенции. Более или менее широкие полотна, сложные образы требуют известной подготовленности и предварительный начитанности для того, чтобы их переварить. Широкая же рабочая масса нуждается в своей литературе, которая, будучи проникнута тем же рабочим духом, была бы ей по-плечу. Словом, тут вопрос принципиально тот же, что и с научной литературой. Маркс, Ленин — это пролетарская наука, но с них не начнешь, нужна популярная брошюра. Вот эту популярную художественную литературу для рабочей массы и дает сама масса. К сожалению, слишком мало сделано для выяснения большой художественной работы, которая ведется почти безымянными авторами на фабрично-заводских предприятиях.

Эта низовая литература ютится на страницах стенных газет, изредка находится в рукописных журналах рабочих клубов, зачастую упокоется в корзинке больших газет.

Ее авторами являются большей частью рабкоры, члены рабочих литературных кружков, иногда и рабочие одиночки.

Конечно, это не писатели. Рабочий, написавший одно или два стихотворения более или менее случайно — не писатель. Здесь писателем является сама масса. Словом, мы имеем здесь дело с подлинно массовым рабочим творчеством, аналогичным устной народной поэзии, носителем которой является крестьянство.

Недавно в Ленинграде изданы два сборника этой низовой фабрично-заводской поэзии: «Литературная смена» (стихи, рассказы) [1]. и «Ленин в поэзии рабочих» [2] — стихи о Ленине.

Темы этих произведений общи пролетарской литературе; тут и отвлеченные темы первых лет революции: Октябрь, воспевание завода, мощи рабочего класса и т. д., также отвлеченная разработка тем сегодняшней политической жизни, как напр., смычка города с деревней и т. п.

Мы находим здесь в менее отделанных стихах очень много новых, свежих образов и метафор, по своей новизне далеко выходящих за пределы того, что дала нам пролетарская поэзия периода отвлеченной лирики.

Шагурин пишет в прекрасном стих. «Октябрь»:

И поднялся пролетарский Питер,
Распоясался, ноги вытер,
Дегтем пропитанные, грязные,
В гостиных о ковры буржуазные.

Эти четыре строки дают ощущение грубой дюжей мощи, которого не встретишь у пролетарских поэтов.

Сравним это с отрывком из Кириллова, передающим то же, примерно, настроение:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «вы—палачи красоты».
Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Оба поэта говорят о разрушении основ буржуазного быта и культуры, но разница тона дает представление о том новом, что встречается в произведениях фабрично-заводской [3] лирики. Некоторые рабочие — поэты, представленные несколькими стихотворениями (иногда в двух сборниках), представляют собой наметившиеся поэтические

[1] «Литературная смена», художественное творчество рабочих от станка. Лгр. «Прибой» 1925 г.

[2] «Ленин в поэзии рабочих». Лгр., изд. книжного сектора Губоно, 1925 г.

[3] Так называют низовую рабочую литературу составители сборников.

индивидуальности. Так, в стихах рабочего госмельницы Батурина, бывшего крестьянина, основной мелодией звучит крестьянская поэтическая стихия. У него много от народной былины и от Кольцова и Никитина.

Благодаря этому, его стихи о Ленине (особенно «Былина», говорящая о смерти Ленина) проникнуты особой чисто-крестьянской торжественностью и медлительностью, заунывностью — так странно звучащей на фоне городской лирики.

Другая поэтическая фигура, выглядывающая со страниц этих сборников — Николай Кубанский. В его стихотворениях не чувствуется ученической пробы пера; напротив, видно знакомство с практикой стихосложения. По своим настроениям он весь примыкает к периоду пролетарского романтизма, смененного реальной поэзией группы «Октябрь». Впрочем, тяга к огромным, обобщающим образам вновь народилась после смерти Ленина в стихах о нем, занимающих такое видное место в пролетарской литературе. Ленин присутствует почти во всех стихотворениях т. Кубанского, и он умеет говорить о Ленине с большим поэтическим пафосом.

Видное место в «Литературной Смене» занимают и реалистические вещи о своем заводе и о местном быте—вещи тем более интересные, что написаны они самими участниками производственной жизни, а не профессиональными наблюдателями со стороны, хотя бы и очень чуткими и классово-родными. Пролетарская литература считает насущной потребностью сегодняшнего дня—изображение рабочего на производстве, у станка.

«До последнего времени в пролетарской литературе был очень мало показан конкретный рабочий, не в обстановке фронта, не в вихре баррикад а в повседневном быту, наши фабрично-заводские пролетарии у станка, в семье, на отдыхе» (Г. Лелевич. «Творческие пути пролет. литературы»).

До сих пор ничего значительного в этой области не сделано.

Думается, что большую помощь в этом отношении пролетарской литературе окажет литература фабрично-заводская.

Наш критик, очевидно, не допускает возможности, что идеи и настроения менее утонченные («грубые») могут быть выражены более сильно, переданы более заразительно, т.-е. более художественно, чем высоко-рафинированные настроения, скажем, поэтов «Кузницы». Как будто бы утонченность настроений сама по себе служит гарантией того, что эти настроения будут писателем достаточно удачно реализованы и наоборот.

Интересно, как об'яснит Якубовский высокую художественность «грубой» устной народной поэзии крестьянства?

Эта сборники подытоживают литературный опыт рабочих масс только по Ленинграду. В других городах СССР приобщение рабочих к литературному творчеству идет, вероятно, не менее успешно. Очевидно, зреет значительная подмога пролетарской литературе в лице этой фабрично-заводской поэзии. Начинает облекаться плотью «предсказание» Д. Бедного:

«Придут новые, глазастые, настоящие писатели из среды рабкоров и селькоров».

Г. Дружинин.

Перелет Москва - Пекин.

(Статья участника перелета)

Перелет Москва-Пекин явился первым организованным нашей молодой советской авиацией международным перелетом, и потому для огромного большинства граждан Советского Союза этот перелет явился неожиданностью.

Мы как-то привыкли к мысли, что авиация у нас еще недостаточно развита, что самолеты хороши только заграничные, и поэтому нам еще не настало время вступать в конкуренцию с самыми передовыми авиациями мира, которые сами всего лишь два-три последних года приступили к организации перелетов из «народов в народы» через необозримые пространства, величайших морей и континентов Старого и Нового Света.

Было много скептиков, которые полагали, что полет или не состоится вовсе, или же окажется неудачным.

Кстати сказать, многие из больших западно-европейских полетов, организованных передовыми авиациями, также закончились неудачей. Вспомним полет англичан вокруг света, кругосветный полет итальянца Локателли, полет аргентинца Цанни или же французский перелет Париж—озеро Чад.

Мы начали свой перелет в атмосфере холодка и недоверия.

Путь, который лежал перед нами, был заведомо трудным и чрезвычайно опасным. Помимо огромного расстояния — 7 тысяч километров — что́ для моторов, без смены, является трудной задачей, — нам предстояло на пути перелететь через Уральский хребет, Сибирскую тайгу, Байкал, Монгольские горы, одну из величайших пустынь мира, безводную Гоби, и, наконец, грозный Калганский хребет.

Мы начали свой перелет наперекор стихиям. Низко плыли над Москвой дымчатые облака, угрожавшие дождем и заставлявшие самолеты лететь чуть ли не над самой землей. Такая погода сопровождала нас в течение двух первых перелетов, т.-е. до Казани.

Между Казанью и Сарапулем было еще хуже Навстречу самолетам неслись огромные грозовы.

тучи; пилотам приходилось с большим искусством лавировать между ними, уходя от прямой дороги, а в самом Сарапуле пришлось садиться в болотах. Между Казанью и Сарапулем случилась первая вынужденная посадка летчика Волковоинова, вызванная лопнувшей трубкой маслопровода. Только большое искусство и присутствие духа тов. Волковоинова спасло его на этот раз, так что ему не пришлось даже отстать от экспедиции. Вообще все вынужденные посадки (их было у нас, кажется, пять-шесть) походили одна на другую; причиной всех посадок были лопнувшие трубки водопровода или маслопровода, и нам крепко в этом повезло — все они случились на участке между Москвой и Ново-Николаевском, т.-е. там, где опытному летчику всегда можно было выбрать место посадки.

Все эти посадки были произведены с нужным присутствием духа, большим мастерством и смелостью, и не задержали экспедицию ни на один час.

С самого начала нашего пути, когда еще за нами не числилось по существу никаких успехов и подвигов, рабочие, крестьяне и трудящиеся Союза встречали нас с величайшей торжественностью и превратили наш путь в подлинное триумфальное шествие.

Казань и Омск превзошли все прочие города; нас встречали там десятки тысяч граждан со знаменами, цветами, песнями и приветственными кликами, и мы с каждым часом все сильнее чувствовали, сколько веры и энтузиазма связано с нашим успехом и все больше крепла в рядах экспедиции твердая воля долететь во что бы то ни стало туда, куда направила нас Советская власть.

В Ново-Николаевске у нас был первый большой отдых. Три тысячи километров были позади, нужно было капитально осмотреть моторы и подумать о том, как одолеть третий участок — сибирскую тайгу.

Это был чрезвычайно трудный путь.

На 1.650 километров мы могли рассчитывать только на исправность моторов, потому что на всем гигантском пространстве, которое мы хотели одолеть в три перелета, нельзя было рассчитывать спасти машину и людей, если бы мотор принудил пилота к вынужденной посадке.

Каждому пилоту в случае порчи мотора предстояло выбирать: садиться ли на лес, на высокие сибирские кедры, или на полотно железной дороги, на узкую ленточку, едва достаточную для аэроплана, при чем ветер может каждую минуту снести самолет либо в яму, либо бросить на телеграфные столбы.

Нам повезло; мы одолели тайгу без малейшего ущерба для экспедиции и опустились в Иркутске всей экспедицией, самолет за самолетом, как на ученьи.

Из всех приключений на третьем участке стоит упомянуть только один случай с летчиком Томашевским, который потерял путь благодаря гигантским дымам лесных пожаров, достигающих в Сибири невиданных размеров. Он опустился у станции Кольчугино, а потом перелетел через огромный двухсотверстный участок совершенно девственной тайги без всякого ориентира, так как в этой местности нет ни рек, ни дорог, ни строений, и без всякой надежды на возможность благополучного спуска, в случае если бы мотор сдал.

В заброшенном уголку, где спустился самолет Томашевского, крестьяне никогда не видали аэроплана, и здесь мы демонстрировали самолет перед людьми, которые с трудом верили в самую возможность летать.

В Иркутске мы имели опять передышку в несколько дней и вновь нам приходилось задуматься над дальнейшим, так как перед нами лежал самый опасный и самый неизведанный участок Иркутск-Пекин.

Пугал Байкал, изменчивый и капризный с внезапно налетающими вихрями, неведомо откуда наползающими туманами. Говорят, ветры над Байкалом срывают у самолетов крылья, а туманы лишают летчика всякого ориентира, — кругом же горы пустыни, тайга, все неприветливые, незаселенные, неизведанные места.

Первый же участок этого пути оказался роковым для экспедиции. Впервые наш стройный отряд рассыпался. Штаб экспедиции потерял связь с отдельными самолетами, и тут мы на деле увидели, как усложняет экспедицию каждый лишний аэроплан и почему иностранцы выпускают в свои международные рекордные перелеты не больше одной-двух, много трех машин.

Утром, когда мы собирались покинуть Иркутск, казалось, что лететь будет можно, и вся эскадрилья на рассвете снялась с аэродрома, но уже над Байкалом пилоты увидели, что путь прегражден гигантским наползающим облаком тумана, через которое вряд ли удастся пробиться, не потеряв дороги. Два самолета типа Юнкерс вернулись обратно, почтовые типа «PI» пробились сквозь туман к Верхнеудинску, и там сели, так как не было никакой надежды пройти к Урге.

Только Томашевский и Екатов пошли прямо на Ургу, через горные хребты, которые отделяют столицу Монголии от территории Союза.

Томашевскому и Екатову пришлось испытать не мало неприятностей. Они заблудились в горах, где нет в сущности никакого ориентира, нет ни дорог, ни рек, и путеводной нитью служат только телеграфные столбы, где на долины сползают с гор огромные дождевые облака, застилая всю видимую внизу землю; им пришлось провести несколько ночей в грязных монгольских юртах, а вокруг шумели разлившиеся от дождей горные потоки, и вихрь грозил перевернуть и разбить самолет.

Только через неделю, когда прошли дожди, экспедиция собралась в Урге.

С большой любовью и торжеством встречал нас монгольский народ. Монгольское правительство, монгольская народная партия, монгольская народная армия встречали нас как представителей братского народа, который идет на помощь молодой Монголии, бьющейся в тисках убийственного наследства прошедших веков.

Пробыв в Монголии неделю, мы тронулись в дальнейший путь.

Трудно было подняться с высокого монгольского аэродрома нашим перегруженным самолетам, и еще труднее было сразу же с места перелетать заросшие лесом хребты, которые окружили Ургу со всех сторон и отделяют ее от безводной ровной пустыни Гоби. Через час полета мы уже неслись над желто-зелеными пространствами этой величайшей азиатской пустыни. Навстречу нам из глубин Гоби неслась гигантская грозовая туча, которая закрыла весь горизонт, и мы только ценою чрезвычайно рискованного уклона в сторону от единственного ориентира, Калганского тракта, сумели обойти ее.

Для того, чтобы возобновить наши запасы бензина, мы должны были спуститься в самом сердце Гоби—в Удде. Это, в сущности говоря, даже не населенное место, а просто пункт у колодца, где останавливаются караваны и сотнями снующие между Калганом и Ургой автомобили, где стоит домик телеграфиста и устроено нечто вроде караван-сарая для отдыхающих проводников монгольских караванов.

Здесь спустилось только пять наших самолетов. Томашевского не было. Мы ждали его несколько часов, а потом, убедившись в том, что с ним что-либо случилось, по просьбе Шмидта я поехал на легковом автомобиле обратно по Калганскому пути в поисках Томашевского.

За 75 километров от Удде мы встретили механика тов. Камышева, который нам и рассказал, что у Томашевского лопнула трубка; он вынужден был садиться при сильном боковом ветре, который и перевернул самолет.

— А сейчас,—закончил тов. Камышев, «Латышский стрелок» стоит в пустыне, хвостом кверху, как свеча.

Дальше мы полетели без Томашевского. Следующая остановка была уже на китайской территории, и здесь нам опять не подвезло.

Оказалось, что аэродром не был еще выровнен, и садившийся первым тов. Поляков, пилот Юнкерса «Правда», налетел на аршинный бугор, скрытый в траве и сломал шасси. «Правда» оказалась поломанной довольно серьезно, ее предстояло везти в Москву, чтобы там заводским ремонтом привести ее опять в надлежащее состояние.

Московская «Правда» чуть ли не в тот же день подняла широкую кампанию за восстановление этого самолета, и нет никаких сомнений, что через несколько месяцев наша «Правда» опять будет весело и уверенно рассекать воздушные волны.

Однако, в Пекин мы уже прилетели всего лишь на четырех самолетах. Впрочем, через несколько дней прилетел и пятый самолет.

Томашевский совершил чудо: в сердце величайшей пустыни Азии, за сотни верст от ближайшего населенного пункта, он сумел, при помощи тов. Камышева, починить стоявший свечей самолет и привезти его в Пекин. Разумеется, вся экспедиция и вся русская колония встретили тов. Томашевского с большим триумфом.

Так закончился наш великий перелет Москва — Пекин. Из шести машин мы привели пять, да и шестой самолет, хотя и поломанный, но лежит уже на китайской территории всего лишь в каких-нибудь 200 километрах от нашей цели, от Пекина.

В этом отношении успех советской экспедиции не уступает никому. С ним можно поставить рядом только кругосветный перелет американцев на пяти машинах системы «Дуглас», из которых пришло к конечному пункту три; но не надо забывать, что американцы обладали прекрасными однотипными машинами, специально построенными для такого перелета.

У нас же была «разношерстная» орда, как выражались немецкие инженеры, в состав которой входили самолеты, по своей структуре вовсе не приспособленные для таких дальних перелетов над неисследованными, неизученными местностями. Мы довели до Пекина даже русский самолет «АК», построенный на живую нитку со старым неуклюжим мотором, который даже организаторы экспедиции не рискнули включить в официальный состав ее и пустили в перелет как сопровождающий, с задачей дойти хотя бы до границы.

Весь путь погода не благоприятствовала нам. Всего лишь каких-нибудь два раза, т.-е. в течение двух перелетов, дул попутный ветер. Неоднократно атмосферные условия и отсутствие мест посадки грозили нам катастрофой и крушением всей экспедиции. Советские летчики преодолели все препятствия и выполнили почетную задачу, которую возложила на них советская страна.

Но величайшим нашим успехом явился перелет двух почтовых самолетов «Р1», которые целиком построены на русских заводах, при чем моторы для них строил ленинградский завод «Большевик».

Можно смело поэтому сказать, что победителями в этом трудном испытании вышли в тесном союзе советские пилоты и механики, и рабочие московских и ленинградских заводов, которые показали всему миру, как растет наша техника, с какой быстротой наши заводы из полуразрушенных остатков былого капиталистического величия, вырастают в цитадели сознательного и организованного труда освобожденного народа.

Монголия была первой зарубежной страной, которую посетили советские воздушные гости. Много любопытного пришлось нам увидеть в этой стране, которая до сих пор еще живет укладом жизни, напоминающим времена Чингиз-Хана.

Монголия — это огромная страна с территорией в два миллиона квадратных километров, населенная небольшим народом скотоводов всего лишь 500 — 600 тысяч человек.

Суровая природа не позволяет монголу заниматься земледелием, а скотоводством монгол занимается так, как занимались много веков назад его предки; он не бережет свой скот, не запасает ему на зиму корм и довольствуется шкурой, которую сдирает с издохшего от голода в долгую монгольскую зиму животного.

Можно ехать сотни верст по горам и долинам Монголии и не увидеть ни строения, ни даже монгольской юрты. Всего лишь три города насчитывает внешняя Монголия и мы, посетили самый большой из них, признанный центр этой страны, древний город-храм, резиденцию первосвященника Хутухты, золотокрышую Ургу.

Самостоятельная Монголия, это дитя Октябрьской революции, так как только помощью Красной армии удалось монгольскому народу окончательно закрепить свою самостоятельность и хотя Красная армия давно уже ушла из Монголии и монгольский народ управляется самостоятельным, избранным на великом Хурулдане правительством, все же влияние советской России в Монголии велико, и Монголия, которая ждет от народов СССР помощи в деле оздоровления монгольской страны и монгольского хозяйства, относится к народам СССР, как к старшему брату и мы на каждом шагу встречали в Урге благотворные результаты этого культурного влияния и равноправного союза.

Однако, прошлое еще нависло над Монголией тяжелой непроглядной тучей. Еще велика некультурность монгольского народа. До сих пор над монгольскими суеверными массами господствуют буддийские попы-ламы. Это они учат монголов

презрению и лености жизни и, будучи уже многие века единственным культурным элементом монгольского народа, не научили его ни чистоте, ни опрятности, ни правильному ведению хозяйства, ни экономному отношению к благам и без того скудной страны.

На высоком холме посредине города стоит величайший храм Монголии Большой Ганген с огромной статуей Будды, а вокруг него расположился город лам. Сюда в большие праздники тянутся бесчисленные обозы монголов кочевников, и ламы торжествуют, обирая последние гроши у этих бедняков взамен ничего не стоящих заговоров и иконок, молитв и песнопений.

А внизу, на грязных улицах, покрытых лужами, бродят бесчисленные собаки, единственные санитары монгольской столицы.

Ургинская собака — это подлинное всеядное. Помои, всякую гниль, кал и нечистоты монгол выбрасывает на улицу и если бы собаки не под'едали все это дочиста, монгольской столице не избежать бы эпидемии, которая уничтожила бы город лучше любого землетрясения.

За городом в пещерах живут собаки-людоеды, они выполняют другую, не менее важную миссию, они поедают монгольских покойников. Монгол верит в переселение душ и с глубоким презрением относится к телу. Мы присутствовали при сцене такого погребения. На наших глазах собаки, чавкая, уписывали труп какого-то монгола, и нам удалось заснять эту исключительную картину для кинематографа, при чем собаки вели себя, как самые выдержанные актеры.

Над ургинскими домами тысячами колышутся на палочках маленькие знамена: это заговоры лам от злнков—чертей.

Однако, новое энергично стучится в двери Монголии. Все мероприятия правительства ведут к тому, что на всех фронтах суеверию, нечистоте, некультурности, отсталости в деле ведения хозяйства — об'явлена война. Не пройдет и десятка лет, как с помощью советского Союза монгол станет разумным хозяином своей страны, а Монголия войдет в ряды культурных народов.

В жаркий солнечный день спустились мы на пекинский аэродром. Нарядная толпа в белых офицерских мундирах и голубых длинных халатах прорвала охрану, ринулась к самолетам и они утонули в этом море восточных лиц, цветов, знамен и плакатов. Приветственные крики, оркестры музыки, крики ура—заглушили рев затихающих пропеллеров.

Пекин встречал нас торжественно и с большой приветливостью.

Сквозь привычные вежливые улыбки, на которые китайцы такие мастера, мы чувствовали, что встречающие действительно взволнованы нашим прилетом, и в конце-концов энтузиазм этой толпы сломал все перегородки и ритуалы заранее подготовленной церемонии, так что только через час началась официальная встреча, которую организовали нам китайская авиация и комитет встречи, представлявший собою 250 общественных организаций Китайской республики.

Еще три-четыре дня продолжались приемы, визиты, банкеты—и современные европейские, и экзотические, китайские,—где едят палочками, а меню составлено из 50 блюд, в число которых входят и знаменитое ласточкино гнездо и трепанги, и глаза осьминога, и морская капуста и прочие прелести китайской кулинарии. Закончив весь церемониал встречи, мы стали знакомится с Пекином и северным Китаем.

Пекин нас поразил своим относительным спокойствием в дни, когда весь юг Китая бурлит революционным под'емом.

Этот город, где много чиновников и мало рабочих. Город, где самый революционный элемент — это пекинское студенчество, сдал прежде других центров Китая—Кантона и Шанхая. Здесь только революционные лозунги и надписи на стенах, воротах и заборах свидетельствуют, что и сюда еще недавно доходила волна революционного под'ема, что на улицах Пекина также демонстрировали сотни тысяч китайских граждан, посылая проклятия чужеземным насильникам и демонстрируя свою верность лозунгам освободительного движения.

Увы! Старинный центр китайской администрации не обещает стать красным Ленинградом Китая; эту честь будут иметь рабочие центры Юга, взбудораженные и гневные Кантон и Шанхай.

Пекинское правительство царствует, но не управляет; у него нет армии, нет финансов, и единственная его реальная сила—это полиция, да и то постольку-поскольку. Она игрушка в руках великих держав и двух военных группировок северного Китая, во главе которых стоят непримиримы враги, готовые ринуться друг против друга, маршалы Чжан-Цзо-Лин и Фынь-Юй-Сян. В предстоящей борьбе Пекин падет жертвой и станет добычей более сильного и счастливого из них.

А сейчас этот спокойный город, похожий на большую китайскую деревню, так мало тронутый европейской культурой, живет своей обычной жизнью.

Мы прилетели в Китай в чрезвычайно удачный политический момент.

Нас видели только сотни тысяч пекинцев, но слышали о нас миллионы китайских рабочих и крестьян. Два наших самолета дошли до самого центра революционного Юга—Шанхая.

Мы выполнили, пролетая над Союзом, нашу первую задачу: всколыхнуть широкие массы СССР и показать им, куда идут гроши, собираемые Добролетом: в Китае мы выполнили нашу вторую задачу.

Мы показали китайскому народу, как растет наш Союз, как ширятся наши возможности, мы сказали ему не словами, но делом, что, если вчера мы только сочувствовали угнетенному китайскому народу, то завтра мы сможем помочь ему нашей растущей техникой, работами наших заводов, нашими самолетами.

Нет сомнения, что наша экспедиция сблизила народы СССР с народом Китая, показав, что тысячеверстные расстояния можно превратить в незаметные пространства, проходимые в двое с половиной суток, и что советская техника готова претворить эту мечту в жизнь.

Лебеденко.

Ответственный редактор: **Мих. Коваленко.**

Адрес редакции: Ленинград, проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 17.327. Тираж 21.300—4 л. Зак. 1296. Тип. Раб. Изд. „Прибой" им. Евг. Соколовой. Пр. Кр. Команд., 29

Вышел и рассылается № 6 „Народного Университета“.

СОДЕРЖАНИЕ.

От редакции.

Биология.

ЗЕЛЕНСКИЙ.—„Размножение и оплодотворение в мире животных и растений“.

Физика.

РОЗИНГ.—„Основные законы вещества“.

Химия.

ЩУКАРЕВ.—„Основы учения о составе тел и законах, его определяющих“.

Технология.

ОВСЯННИКОВ.—„Металлургия цветных металлов“.

Электротехника.

КОСТРОМИТИН.—„Генерация электрической энергии“.

Сельское хозяйство.

ДЕБУ.—„Механизация сельского хозяйства“.

Отдел помощи читателю.

„Действия над обыкновенными дробями“. Ответы на вопросы.

По лабораториям СССР.

По заводам СССР.

Библиография.

Крит.-библ. обзор литературы по сельскому хоз.

Наука и Техника.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ НА ДОМУ.

Условия подписки: на 3 мес.—**2** руб., на 1/2 года—**4** руб., на год (12 книг)—**7** р. Рассрочка: при подписке—**2** р. и по **1** р. в следующие 5 месяцев.

Подписка принимается по всему СССР во всех почтовых отделениях. При выписке „Народного Университета на Дому“ и „Коммунистического Университета на Дому“ за оба издания (24 книги)—**12** руб в год. Рассрочка **4** руб. при подписке и по **1** руб. в следующие 8 месяцев.

Подписчики получают 10% скидку со всех книг при выписке их через склад Издательства „ПРИБОЙ“. Почтовые расходы по пересылке Изд-во берет на себя.

(При выписке необходимо указать № подписной квитанции и где сдана подписка).

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09